

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ НОЧИ

Александр Зорич

Светлое время ночи

Серия «Свод Равновесия», книга 4

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133753
Светлое время ночи: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-043599-9, 978-5-9713-5947-0, 978-5-9762-4060-5*

Аннотация

«Свод Равновесия» – такое имя носит Инквизиция Баранской республики, самого сильного государства мира Сармонтазары.

Она безжалостно уничтожает всех, кто позволяет себе отступить от жестокого закона этого мира, но наиболее жестоко преследует носителей запрещенной, приравненной к ереси магии.

Однако только что пришедший в эту службу юноша Эгин с изумлением обнаруживает, что варанские инквизиторы используют против своих врагов-магов... магическую силу!

«Двойной стандарт» и не более того?

Но теперь Эгин, официально вышедший в отставку и продолжающий борьбу против порождений тьмы и их приспешников – черных магов – понимает: чаще всего сражаться с ними обычными способами попросту невозможно. Как отличить без магии друга от врага, противника – от союзника?

И, главное, как спасти ставшего другом врага?..

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	9
3	15
4	22
Глава 2	35
1	35
2	50
3	52
Глава 3	62
1	62
2	69
3	75
4	83
5	99
6	105
Глава 4	109
1	109
2	114
3	119
Глава 5	125
1	125
2	130

3	138
4	149
Глава 6	156
1	156
2	163
3	170
4	173
Глава 7	178
1	178
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Глава 1

Зверда знает все на свете

*Могуч и прекрасен варанский лес! Привольно
здесь и охотнику, и рыбаку, и детям.
Из «Засапозной книжечки» Валиена окс Ингура*

1

Человек, которого Овель знала под именем Лагхи Коалары и который, по ее мнению, приходился ей законным мужем, а Своду Равновесия – законным гнорром, был сейчас похож на теленка, потерявшего свою мамку.

Овель исс Тамай, утонченная аристократка, никогда в жизни не видела живого теленка. Но крупному рогатому скоту и его умильным повадкам было посвящено значительное место в недавно увидевшем свет романе «Эр окс Эрр и грюты». А потому сравнение с теленком было первым, что пришло ей в голову, когда в комнату ворвался высокий молодой мужчина небесной красоты.

Лараф окс Гашалла, он же с недавних пор – гнорр Свода Равновесия, обладатель тела Лагхи Коалары, – уже успел преодолеть первый, пожирающий сознание ужас. Книга, его подруга, поставившая заурядного провинциального лодыря

над всеми магами Варана, потеряна. Скорее всего – похищена. «Но мы еще посмотрим кто кого», – зловеще пришептывал внутри Ларафа какой-то новый голос.

Теперь Лараф искал не «Семь Стоп Ледовоокого». Он понимал: продолжать поиски подруги в прежней лихорадочной манере бессмысленно.

Лараф искал другую книгу. Какую? Этого-то он как раз решить и не мог.

Он вообще плохо отдавал себе отчет в своих действиях. Лараф не понимал даже толком, как и почему его занесло именно во дворец, на Буковую Горку, а не к начальнику охраны здания Свода или в Дом Внутренней Службы. Ведь, следуя элементарной логике, книгу следовало бы в первую очередь поставить на розыск.

Овель некоторое время наблюдала за метаниями своего супруга. «Он что, как-то пронюхал о моей встрече с...»

«С Эгином», – подразумевала для самой себя Овель, но даже отчетливо осмыслить это она страшилась. Никто не знал истинных границ могущества гнорра Свода Равновесия. Многие полагали, что гнорру по силам читать мысли. Особенно столь незатейливые.

«Но тогда следовало бы вести себя иначе», – обтекаемо подумала Овель, разумея, что в этом случае Лагха был бы зол, собран и, наверное, убил бы ее на месте. Или, наоборот, немедленно потребовал бы телесной близости.

– Милостивый гиазир, извольте обратить на меня вни-

мание, – проворчала Овель, когда ей наскучила издерганная суeta Лагхи, который торопливо перебирал книги в резном шкафчике. Гнорр извлекал очередную жертву, быстро осматривал ее оклад, взвешивал книгу на ладони, а после досадливо морщился и швырял себе под ноги.

– А? Здравствуйте, Овель. День сегодня препаршивый, не правда ли?

– Я бы так не сказала. По крайней мере сегодня солнечно. Не соблаговолите ли объяснить, что с вами, милостивый гизир? Отчего вы отправили на пол мои любимые книги?

Все свои скромные запасы любезности Лараф истратил на «здравствуйте, Овель». Поэтому он не сдержался:

– Это вы называете книгами?! Да даже у нас в...

Лараф осекся и наподдал носком сапога по куче авантюрных романов, которая успела скопиться на полу. «...В Казенном Посаде таких было, как грязи», – вот о чем он промолчал.

«Роковая любовь князя Шаатты» завершила свой путь по воздуху и упокоилась у противоположной стены. Фальшивый карбункул, которым была украшена серебряная оковка корешка, выскочил из своего гнезда и покатился обратно к гнорру, легонько постукивая.

– В задницу такие книги, вот что я вам скажу! – худо-бедно достроил фразу Лараф.

Овель поймала себя на странной мысли: этот сумасшедший, потерянный, невежливый, ударенный пластом штука-

турки Лагха в чем-то более привлекателен, чем тот неприступный самовлюбленный маг, которого она знала все эти годы.

По крайней мере в нем проступило хоть что-то человеческое. В иные дни от Лагхи невозможно было добиться ни одной эмоции – даже в постели. Сейчас он по крайней мере не стеснялся показаться злым!

Но существует ведь и кодекс брачных отношений вкупе с представлениями о должном и недолжном, которые следует разделять обоим супругам.

– Немедленно прекратите! – сердито топнула ножкой Овель.

Гнорр не стал препираться. Он сгреб книги в охапку, кое-как водрузил их на место и выбежал прочь.

Спустя некоторое время Лагха вернулся. Он держал под мышкой массивный том с напрочь зачернившимся обрезом. Книга была очень старой.

– Овель, ты мне нравишься. – Голос Лагхи доносился будто со дна колодца. – В смысле, я люблю тебя. Если я не вернусь до захода солнца... Впрочем, это побоку.

Не успела Овель подивиться этой пламенной тираде, как Лагху словно ветром сдуло. И уже со двора, из-за частого переплета веранды и витийств голых виноградных лоз донеслось: «Эри, прикажи, чтоб седлали гнедого, вовкулацкая погадка!»

Ни друзей, ни союзников в Пиннарине у него не было и быть не могло. Более того – пропажа «Семи Стоп Ледово-окого» свидетельствовала о том, что вместо друзей и союзников где-то поблизости рыщут могущественные враги.

Как это случилось с Ларафом и раньше, его незатейливый план окончательно дозрел уже в процессе совершения. А именно, когда он процедил пароль дня начальнику Виноградной Заставы (по иронии судьбы им оказался тот самый офицер, который давеча мурыжил его и Зверду с Шошей в обличье мулов) и выбрался за город.

«Более всего на свете, более чем любую женщину и более чем любую власть я желаю сейчас встречи с баронами Маш-Магарт», – талдычил Лараф вполголоса.

Он согнал гнедого с тракта, наскоро привязал его к первому попавшемуся дереву и почти бегом пустился в лес. Лес, к слову, здесь был так себе: невысокий, плюгавый, битком набитый бросовыми породами вроде ели и осины.

Как только первые сотни шагов были пройдены и Лараф уговорил себя, что его с тракта больше не видно, он привалился спиной к дереву и прикрыл глаза.

«Как будто и не было ничего. Сейчас проснусь в своей комнатухе в отцовской усадьбе. На дворе переговариваются Перга и Хофлум. В тайнике меня дожидаются „Семь Стоп

Ледовоокого“, а на фарфоровом блюде – тушеная индюшка и свежий анис, полезный для пищеварения».

К своему сожалению, он отчетливо осознавал, что происходящее с ним не иллюзия. И поскольку без своей подруги Лараф в качестве главы Свода Равновесия аврика ломаного не стоил, выбор у него был незавидный.

Воспользовавшись своим новым прекрасным телом Лагхи Коалары, Лараф мог попытаться бежать прочь из Варана. Это было непросто, но в принципе, пожалуй, осуществимо. Другой вопрос, что подумает о его бегстве госпожа Зверда. Уж она-то точно разыщет его на краю света. И тогда сознание его угаснет не на два-три дня, как тогда, в Казенном Посаде, а на веки вечные.

Ну а коль скоро избежать встречи со Звердой в будущем не удастся, значит, эта встреча должна состояться немедленно. Прямо сейчас, прямо здесь!

Зверда знает все на свете. Она, и только она, сможет помочь ему дельным советом. Возможно даже, примет в расчет его аховое положение и даст ему отставку. То есть милостиво позволит ему бежать прочь, предоставив Своду вариться в собственном соку. В конце концов, военный союз заключен. Теперь зарядный вороток варанского стреломета вращается неспешно, но неумолимо. Присутствие тела Лагхи Коалары вовсе не обязательно!

Этим бредом Лараф пытался успокоить себя, когда при помощи парадного офицерского кортика (тупого, как палец)

терпеливо снимал колечко коры с несчастной рябины.

Решиться на Большую Работу было нелегко. И все-таки пришлось.

Лараф не мог похвастаться выдающейся памятью, но все Слова и Знаки магического действия, проведенного меньше месяца назад в Казенном Посаде, он помнил. Благо, в свое время трижды изучал письма и разъяснительные рисунки.

В процедурном выполнении Большой Работы он не сомневался. Да и в руках еще жила память о прикосновениях Зверды-наставницы, которая сообщила его мышцам внесловесное знание о том, как правильно начертать семиконечные звезды – опоры для четырех великих столпов трансформации ткани бытия.

Вопрос, от ответа на который зависел не только успех данного предприятия, но и его жизнь, был лишь один: являются ли «Семь Стоп Ледовоокого», то есть большой кус несомненно Измененной материи, необходимым компонентом Работы? Или он не столь уж важен, а ключевыми являются Слова, звезды и лыковые браслеты?

Два часа назад Лараф смог задать этот вопрос только голубому куполу Свода, а ныне – по-весенне синему небу над головой. Овель была права: погода впервые за много дней выдалась славная. А и то подумать: Новый год на носу!

Приведя себе несколько сбивчивых, путаных доводов, Лараф согласился с тем, что «Семь Стоп Ледовоокого» в принципе вовсе не обязательны. Достанет любой другой книги

сходных размеров и веса.

При этом Лараф решил не связываться с Опорой Писаний, где хранилось множество магических книг. И безо всякого потаенного знания было ясно: если не имеешь представления, как именно *изменена* данная книга, лучше даже и не пытаться использовать ее в Большой Работе. Иначе твои уши найдут в Афнагеме, большие пальцы ног – в Радагарне, а семья души упокоится в схронах Шилола Изменчиворукого.

– Милостивый гиазир!

От испуга Лараф выронил кортик. Только внезапно влившаяся в ноги слабость удержала его от бегства. Он обернулся.

С расстояния шагов в двадцать на него с интересом посматривали трое затрапезно одетых мужиков. Не могли обычные люди приблизиться к нему по снегу бесшумно, не могли! Значит – вездесущий Свод. Не гэвенги же!

Оружия при мужиках вроде не было, но под грязными накидками могли найти приют и чеканы, и топоры, и перевязи метательных ножей, и разборные трехчастные луки.

Скорее всего это был один из секретов, под надзором которых находились так называемые десять лиг спокойствия. То есть непосредственные подходы к варанской столице.

«Как я мог о них забыть!» – взвыл Лараф.

– Кто вы? Что вы здесь делаете? Почему портите собственность Дома Недр и Угодий?

Вопросы были заданы спокойно, без хамовитой аффекта-

ции. Видимо, офицеров сдерживала роскошь одежд и кортика Ларафа. О том, что перед ними гнорр собственной персоной, они, конечно же, даже не догадывались.

Лараф оправился от испуга быстрее, чем ожидал бы от себя самого двухнедельной давности. Все-таки осознание того, что он отныне – гнорр, уже успело напитать его персону сладкими ядами власти.

– Вы знаете кто перед вами? – ответил он вопросом на вопрос.

– Это мы и пытаемся выяснить. – Начальник предполагаемого офицерского секрета сделал несколько шагов по направлению к Ларафу.

– Сделаем иначе. Поскольку я не обязан открывать первому встречному свои имя и место в варанском государственном обустройстве, извольте назваться первыми.

Умеренная спесь Ларафа подействовала безотказно.

– Я – Сулвар, егерь пиннаринского лесничества Дома Недр и Угодий, а это мои помощники.

«Неужели? Так это даже и не коллеги вовсе?»

– В таком случае, Сулвар, позвольте вынести вам благодарность от имени Свода Равновесия. Вы очень бдительны. Извольте выписать положенный штраф за порчу угодий и проваливайте отсюда.

Надо было отдать должное егерю – недвусмысленный намек Ларафа на то, что он имеет касательство к Своду Равновесия, не возымел никакого видимого эффекта.

Сохраняя достоинство, Сулвар угрюмо кивнул, а один из его спутников достал писчие принадлежности.

– На чье имя выписывать?

«Какой исполнительный, Шилолова мать! Землетрус, похоже, пошатнул не только секиру на куполе Свода Равновесия, но и наш авторитет по всей стране».

– На имя Лагхи Коалары, гнорра.

– Милостивый гиазир, вам бы лучше так не шутить. Двадцать пять авров штрафа – сущая безделка. А вот такие шутки не только нам, простым людям, но и вашему брату могут дорого обойтись.

«Как понимать такую наглость? Он что, из добровольных помощников Опоры Единства? Или все-таки это офицеры Свода, а комедию ломают для пущей секретности?»

– Сулвар, подите-ка сюда.

– Руку! Ладонью кверху! – потребовал Лараф, когда тот, пожав плечами, подошел вплотную.

Хлоп! – на ладонь Сулвара опустилась малая личная печать Лагхи Коалары.

Красная тушь еще не успела просохнуть, а егеря уже распустились среди редколесья, хотя ради этого им и пришлось перемещаться в названном Ларафом направлении очень, очень быстро.

Ни Сулвар, ни его спутники, ни гнорр не знали, что их короткая, дурацкая беседа спасла жизнь двум баронам Фальмским – Зверде и Шоше велиа Маш-Магарт.

– Вас, конечно, интересует многое, – сказал сергамена.

Точнее, эти слова принадлежали барону Вэль-Вире велиа Гинсавер, мощью своей природы принявшему гэвенг-форму баснословного хищника из итаркской чашобы.

– Интересует, – кивнула Зверда.

«Что делать?! Что сказать?! Чем откупиться?!» – стукались в ее сознание тревожные колокола страха.

– Но я, конечно, не отпущу вам даже этой предсмертной милости – знать истину. Потому что я немилостив.

Сергамена совершил новый прыжок и оказался в трех саженьях выше Зверды и Шоши, утвердившись лапами на одинокой балке, торчащей из закопченной стены Южного замка.

Зверда понимала, что теперь сергамене достанет одного, ровно одного прыжка, чтобы уложить на месте и ее, и Шошу. Ловкость и стремительность сергамены таковы, что, еще находясь в воздухе, он сможет вспороть когтями шею барона, а приземляясь перед Звердой – вскрыть ей живот той же самой, разукрашенной кровью Шоши, лапой.

Среди гэвенгов подобные мертвительные красоты являлись одним из высших проявлений верности «Эвери» – кодексу чести, предписывающему нерушимые правила жизни и смерти.

– Вы оба знаете главную причину приговора – вантэн-гай-

ам, – продолжал Вэль-Вира. – Сговор с людьми ради причинения ущерба своему брату по расе – это вантэн. Сговор с людьми ради умерщвления своего брата по расе и разорения берлоги его – это вантэн-гайам.

– В прошлую нашу встречу об этом было как-то не с руки заговаривать, но ведь, любезный барон, ваша нежная дружба с феоном тоже представляла собой не что иное, как вантэн. Уверен, при внимательном рассмотрении вопроса в той истории сыскался бы и вантэн-гайам.

Вэль-Вира дослушал Шошу, не перебивая. Но отвечать не собирался. По его мнению, эти слова должны были стать последними словами барона Маш-Магарт.

Сергамена прыгнул.

Настоящий взрыв плоти, как и любое боевое перемещение гэвенга! Задние лапы сергамены стремительно распрямились, когти высекли из балки вихрь древесной трухи, все тело зверя вытянулось в гладкую летучую лодью. Лодья эта, увенчанная носовой фигурой – оскаленной мордой сергамены, – ринулась вниз.

Зверда понимала, что она не может этого видеть. Потому что даже ее сознание, даже сознание гэвенга не успело бы получить и усвоить эту в высшей степени красивую (по меркам кодекса «Эвери») и в высшей степени жуткую (по всем прочим меркам) картину.

Шоше надлежало сейчас заваливаться набок с полуоторванной головой, а ей, Зверде – скрести ногами по снегу сре-

ди собственных малоэстетичных внутренностей.

Вместо этого между ними и сергаменой в мгновение ока словно бы отверзся гейзер, из которого хлестали и включались в пустоту Южного замка дополнительные, непредусмотренные пяди и локти, вершки и сажени новой, потусторонней пустоты. Пространства становилось все больше и прибывало оно с такой скоростью, что даже стремительный лет сергамены не успевал пожирать его достаточно быстро.

Сергамена летел, и его стремительное перемещение относительно стены замка было налицо. Однако расстояние между ним и баронами Маш-Магарт сокращалось по меньшей мере раз в тридцать медленнее, чем ожидала Зверда.

«В тридцать раз медленнее» все равно означает «очень быстро». Но для гэвенга это уже время, за которое можно успеть что-то изменить.

И Шоша, и Зверда, не сговариваясь, прыгнули назад.

Они успели – передняя левая лапа сергамены, раскроив воздух широко расставленными когтями, прошла через пустоту и опустилась на снег, который по-прежнему был чист и не изгажен кровью баронов Маш-Магарт. По подмигивающему серебристыми искорками боку сергамены прогулялся шипастый шарик боевого бича Шоши.

Не успел Вэль-Вира бросить свое тело вслед баронам, как снег утратил чистоту. Как мальчишки сжигают покровы тополиного пуха на городских улицах, так отголоски далекой Большой Работы распустили из центра трансформации мол-

ниеносно расширяющиеся круги Изменений, которые превратили снег в грязно-серые кристаллы без имени.

Сразу же вслед за этим по двору словно бы прошелся гигантский лемех, который нарезал промерзшую землю длинными дымящимися змеями.

Зверду сразу же оплели две такие змеи. Понимая, что ничем хорошим это обернуться не может, баронесса кое-как освободила одну руку и принялась лихорадочно расписывать незваных гостей Знаками Разобщения.

Для того чтобы эта магия сработала, требовалось не меньше минуты. Зверда, увы, не была уверена в том, что судьба предоставит в ее распоряжение эту драгоценную пригоршню мгновений. В противном случае отмена приговора окажется всего лишь недолгой отсрочкой.

Вэль-Вира, очумевший от происходящего еще больше, чем бароны Маш-Магарт, с яростным рыком кромсал всеми четырьмя лапами эти неодухотворенные змееобразные псевдосущности, в которых проявляла себя Сила Южного замка.

Шоша, перехватив рукоять боевого бича двумя руками, нанес Вэль-Вире несколько расторопных ударов. Зверда обнаружила, что у нее все лицо залито густой пряной кровью сергамены.

Четыре семиконечных звезды проступили из мутнеющего воздуха в нескольких саженьях от баронессы. «Да это же Лараф, шельмец!» – наконец сообразила она.

– Барон, соберитесь! – заорала Зверда. – Назад, гамэ-

ри-кан арупптах!

Как и следовало ожидать от Ларафа, Большая Работа, творимая его рукой-неумехой, походила на танец с саблями в исполнении жирных грютских евнухов.

Стена замка, которая находилась как раз за проявляющейся Дверью, быстро просветлилась и предстала в неожиданном великолепии. Будто бы невидимый великан-кудесник протер копоть, подправил покосившиеся ряды кладки, заменил оплавленные каменные блоки на свежетесаные.

Несмотря на то, что ничего угрожающего собственно в этом побочном эффекте Ларафовых магических художеств вроде бы и не было, Зверде он особенно не понравился.

Поэтому когда мимо и почти сквозь нее пробежали четыре двухсаженных долдона с песьими головами и большими палицами, которыми некогда славились гэвенги Неназываемого замка, она немедленно зажмурилась.

Зверда помнила: при появлении призраков прошлого в ходе Большой Работы следует сделать вид, что ты их не заметил. Более того: надлежит изобразить, что ты их вообще заметить не можешь. Иначе призраки заметят тебя.

Знаки Разобщения наконец-то подействовали. Две земляные гадины рассыпались в мелкую серую пыль. Этого Зверда не увидела – глаза она по-прежнему предпочитала держать закрытыми, – но почувствовала, поскольку колени ее теперь были погружены в кучу земляной трухи.

Освободившись, баронесса сразу же присела на корточки

и осторожно приоткрыла один глаз.

Сергамена, изрядно обшарпанный змееживым бичом Шоши, теперь находился в противоположном углу двора. Он остервенело молотил лапами по воздуху. Похоже, Вэль-Вире выпало сражаться с каким-то одному ему видимым противником.

Шоша, как и Зверда, сидел на земле. В первое мгновение баронессе показалось, что когтям Вэль-Виры удалось разыскать путь к сердцу ее супруга и что Шоша мертв – столь статична и в то же время неестественна была его поза.

Однако тут она углядела затянутые в уродливые перчатки усохшей кожи человеческие кисти, которые, высовываясь прямо из-под земли, держали барона за ноги, за локти и за края одежды.

Звезды Большой Работы тем временем обрели материальность, сделались неотличимы от стальных и завращались, набирая обороты. Дверь открывалась и приглашала каждого смельчака попытаться счастья в путешествии из одного паршивого места в другое, не менее паршивое место.

Дверь не просто приглашала. Она настаивала на своем приглашении: все четыре звезды, не меняя взаимного расположения, поплыли по направлению к Зверде.

Баронесса оценила, что нижняя стальная звезда, которая из-за бешеной скорости вращения выглядела теперь как сплошной диск, пройдет в аккурат по макушке Шоши.

Стена замка, которая проступила из прошлого в своей

былой красе, заволоклась дрожащим, раскаленным воздухом. До Зверды донеслось громкое потрескивание перегретых магией камней. Да, ее предки некогда сокрушили Неназываемый замок именно так.

Но ей сейчас было не до припоминания семейных легенд. Надо было срочно спасти Шошу.

К счастью, руки существ, которые сейчас тянулись к барону из-под земли, не были крепче, чем у обычных шатун-умертвий. То есть легко поддавались стали ее клинка.

Заходясь звериным хрипом от страха и злости, Зверда на-рубил с два десятка этих новых щупалец Силы и успела выдернуть околдованного барона из-под надвигающейся Двери.

Вместо Шоши под мертвящие звезды Большой Работы попал очередной песиголовый молодчик с боевым молотом, которого вынесла из небытия круговерть трансформаций.

А через две секунды стоявшая вертикально Дверь упала прямо на баронов Маш-Магарт, как на пиявок – ловчий ко-лпак бродячего лекаря.

– Ебемотская сила... Где мой бич? Где мой боевой бич, я спрашиваю?

Барон все никак не мог сообразить: злиться, смеяться, оттереть снегом перепачканное кровью и грязью лицо или для начала как следует расписать юшкой гноррское рыльце Ларафа.

Зверда, которая, как всегда, решала подобные вопросы быстрее Шоши, подошла к Ларафу и, не стесняясь, поцеловала изящные губы тела Лагхи Коалары. Потом отстранилась, с прищуром изучила остекленевшие глаза мага-самоушки и вlepила ему одну за другой одиннадцать оплеух, отсчитывая каждую вслух.

В то время как Лараф представлялся Шоше и Зверде молодым человеком в теле гнорра, со своей собственной точки зрения он выглядел как девяностолетний старец. По крайней мере чувствовал он себя на все сто десять. Колени тряслись, руки казались исхудавшими до крайнего предела, во рту вроде бы не хватало половины зубов, а перед глазами болталась длинная белесая прядь, которую Лараф полагал остатком своих волос.

В то же время Шоша и Зверда, которые сами себе представлялись обычными баронами Маш-Магарт, зрелыми и сильными гэвенгами в человеческом обличье, виделись сей-

час Ларафу как две белесые механические куклы, имеющие определенное сходство с человеческими фигурами, но с отсутствующими лицами. Вместо лиц и у Шоши, и у Зверды гнорр видел только перекрученные полосы желтого тумана, похожего на дым от горящего мокрого сена.

Поцелуй Зверды он, однако, воспринял как обычный женский поцелуй, к тому же повышенной приятности. А оплеухи – как обычные оплеухи Зверды.

За спинами гэвенгов, на высоте в пол-локтя над землей, вращались звезды Большой Работы. Дверь доставила затребованных гостей к своему хозяину и ожидала дальнейших указаний.

Зверда отметила, что звезды стали вращаться медленнее. Когда они остановятся, Дверь вернется в аспект условно существующих вещей, и для того чтобы открыть ее вновь, потребуется проделать новую Работу.

– Сладкий мой, когда мы уезжали из Пиннарина, я обещала, что разорву тебя на куски, если ты еще раз без особой надобности попробуешь выдернуть нас через Дверь. Так или нет?

Несмотря на то, что голос Зверды доносился до Ларафа откуда-то из желтого тумана и звучал так, словно принадлежал утопленнику, он вполне мог разобрать слова и понять, о чем спрашивает его неистовая баронесса.

– Так. – Лараф с усилием кивнул. – Я прошу меня простить, госпожа Зверда. Но у меня не было другого выхода.

– Положим. В таком случае у тебя есть ровно десять минут, ровно десять коротких колоколов, как у вас выражаются. Рассказывай, что стряслось. И – ни одного лишнего слова!

– Книга пропала.

Зверда сразу поняла, что имеются в виду «Семь Стоп Левооокого». Для ее подопечного существовала только одна «книга».

– Что значит «пропала»?

– Нет ее. Нигде.

– Где ты видел ее в последний раз?

– В кабинете гнорра. То есть в моем кабинете. Наверху, под куполом Свода. Я положил книгу в ящик стола, а теперь ее там нет.

– Ты пробовал ее позвать?

– Что значит «позвать»?

– А, я забыла, ты же кретин. Ты точно уверен, что в столе ее нет?

– Я видел это своими глазами.

– Ясно, что своими. А на ощупь ты убедился, что в том месте, где лежала книга, на самом деле нет больше ничего?

– Д-да.

– Ты в этом уверен?

– Да.

– Ты уверен в том, что ощупал пустоту в ящике стола? – с нажимом переспросила Зверда.

– Нет, – сдался Лараф. – Не уверен. Но мне кажется!

– Тише. Ты скрипишь, как несмазанная телега. Поверь, это не очень приятные звуки.

– Извините.

Шоша что-то спросил у Зверды на языке гэвенгов. Та ответила.

Шоша – окровавленный, чумазый, уставший и голодный – захохотал так, что Ларафу показалось: даже звезды Большой Работы вздрогнули и сместились на полпальца в сторону, подальше от сумасшедшего барона.

Особенно славно смотрелось это с точки зрения Ларафа: большая приземистая кукла с громкими квакающими звуками катается по серой кристаллической пыли, устилающей все пространство внутри импровизированного плаца Большой Работы между скрученными в бараний рог молодыми рябинами.

Отсмеявшись, Шоша выплюнул еще пару фраз. Зверда сдержанно улыбнулась, но отвечать супругу не стала. Вместо этого баронесса повернулась к Ларафу и сказала:

– Барон смеется над тобой, мой сладкий. Ему кажется совершенно невероятным, что тебе достало глупости поверить собственным глазам. Украсть книгу у того человека, с которым она подружилась, практически невозможно. Тем более тяжело утащить ее из кабинета гнорра. У гнорра ведь с недавних пор стоит Сквозной Зрак на входе в подъемник...

– Не уверен...

– Ну так я уверена! Никто ничего не может внести в кабинет гнорра или вынести из него так, чтобы это осталось не замеченным охраной. Разумеется, если сам гнорр войдет в подъемник с какой-то книгой под мышкой, никто к нему приставать не будет. Именно так ты, сладкий мой, протащил «Семь Стоп» в свой кабинет. Тебе можно, потому что ты – гнорр. Но уже любой пар-арценц обязан отчитываться перед охраной в том, что он при себе имеет, какие на нем одеты браслеты и перстни, и совпадает ли опись этих предметов со списком дозволенных к ношению в здании Свода. Правда, старших офицеров – пар-арценцев и аррумов – при этом не обыскивают. Но их просматривают до самых костей при помощи Сквозного Зрака. Так вот, если бы кто-то выходил из твоего кабинета с лишним предметом, например с «Семью Стопами», охрана сразу же подняла бы тревогу и доложила тебе в считанные минуты.

– Так где же тогда книга?

– Вариантов три. Первый: книга в действительности на месте, она по-прежнему видима, а ты просто водишь нас за нос.

– Я не вру! Клянусь!

– Пожалуй, что и не врешь. По крайней мере оснований к этому у тебя быть не должно.

– У меня их вовсе нет!

– Положим. Тогда второй вариант: книга самопроизвольно ушла в другой аспект существования. Этот вариант еще

менее вероятен, чем первый. И наконец, третий: книга лежит на прежнем месте, но в данный момент невидима. А ты, осел эдакий, не догадался проверить это самое очевидное допущение сразу.

– Но как? Почему она вдруг стала невидимой?

– Потому что на нее кто-то навел порчу внешнего образа.

– Что-что?

– Порчу внешнего образа. Ее вид испортился, понимаешь? Как проказа пожирает человеческое лицо, так специальная магия может пожрать *лицо* вещи. И вещь перестает быть видимой. Причем зачастую не только обычным человеческим зрением, но и тем, что в Своде называют Взором Аррума.

– Это, наверное, очень сложная магия?

– Не очень. С процедурной точки зрения – простая. Но инициировать ее может только маг высокой ступени мастерства. Ты бы этого не смог сделать никогда. Большинство офицеров Свода – тоже. Вообще, из известных мне людей такое было бы по силам только Лагхе. И, возможно, пар-арценцу Опоры Писаний. Кто там у вас? По-прежнему Сонн?

– Сонна ищут. И все никак не найдут.

– Тем более. Итак, сладкий мой, вот тебе отгадка: книга испорчена Сонном. Потому что Лагхи больше нет с нами, а другим людям такое не по силам.

– А вам?

– Я не человек.

– Ах да...

– Да-да.

– А когда Сонн успел испортить книгу? Он что, мог тайком прокрасться ко мне в кабинет?

– Это уж тебе виднее. Но я думаю, что он навел на книгу порчу в тот самый день, когда на нас напали лучники Опоры Вещей. Ведь когда Сонн допрашивал тебя, он держал книгу в руках, так?

Перед мысленным взором Ларафа встал тот жуткий денек. Не знающие промаха стрелы безжалостных лучников, встреча с любовником Анагелы, бессмысленные вроде бы вопросы Сонна, треск молний, рвущихся из офицерских клинков...

– Так.

– И потом, когда мы с бароном возродились, он книгу бросил и убежал вместе со своими аррумами?

– Да. Я еще тогда очень удивился, отчего это он книгу выбросил, ведь она была у него в руках.

– Я думаю, она его укусила. Не зубами, конечно. А заворачивать ее в специальный кокон у него времени не было, мы бы его с бароном убили за пару секунд.

– И сожрали бы. Баронесса, я умираю от голода, пойдемте назад. Дверь скоро закроется, – это был Шоша, которому надоело слушать, как его жена учит уму-разуму их ставленника.

– Барон, вы лучше подумайте, как и чем мы будем с Вэль-

Вирой драться, – со злым отчаянием ответила баронесса.

В самом деле, выход у них был только один: вернуться. Остаться в Варане бароны Маш-Магарт не могли, а повторно открывать Дверь было очень опасно. Зверда настолько глубоко переживала их теперешний конфуз, что забылась и последнюю фразу произнесла не на наречии гэвенгов, а на варанском языке, на котором вела все это время общение с Ларафом.

– А что Вэль-Вира? – насторожился Лараф.

– Не хотелось мне с тобой еще и эту тему сейчас обсуждать, ну да ладно... Лараф, я ведь тебя не зря поцеловала. Ты, конечно, своей корявой Большой Работой мог накромсать нас с бароном в винегрет. Но при этом, по чистой случайности, из-за смещения точки раскрытия Двери на одиннадцать саженей, получилось так, что мы успели уклониться от броска Вэль-Виры...

Зверда вкратце пересказала всю встречу с бароном-сергаменой, добавив для перцу, что Вэль-Вира кровожаден, безжалостен, угоден одному лишь Хуммеру и должен быть уничтожен вместе с исчадиями его и берлогой его в ближайшие же недели.

– Скажите, госпожа Зверда, а если бы я открыл Дверь в том же месте, но на несколько минут раньше? Или позже?

– Раньше – не знаю. А позже – к тебе либо не явился бы никто, либо наши голодные и разъяренные призраки, либо – наши окровавленные тела с ранами необратимых Измене-

ний. Уж Вэль-Вира бы точно смог сделать так, чтобы мы не воскресли.

– Раньше тоже было бы плохо, – ввернул Шоша. – Если вы заметили, баронесса, все время, вплоть до своего прыжка на балку, Вэль-Вира находился в стороне от того места, где Лараф открыл Дверь. Начнись Большая Работа минутой раньше, Вэль-Вира бросился бы на нас из другой позиции и не попал бы в Извержение Лишнего.

– В компенсацию портала, – машинально поправила барона Зверда.

Она не любила тот архаический язык, на котором описывали сложные трансформационные процессы человеческие маги. Говорить «Дверь» вместо «портал» она еще могла, но «извержение лишнего» с ее точки зрения лучше подходило для обозначения поноса или семяизлияния.

Шоша так не считал:

– Без разницы. Назовите эту дурь хоть компенсацией, хоть кротовиной, хоть фонтаном. Важно то, что не этот сопляк нас спас, а обстоятельства.

Ларафу было сейчас не до обид, но все-таки он обиделся:

– Что значит обстоятельства? А кто эти обстоятельства вызвал?

– Частично – ты, – примирительно сказала Зверда. – Однако не забывай: пощечины были тоже заслуженными, не только поцелуй.

– А одиннадцать их было по числу сажений, на которые я

промахнулся?

– Завидная догадливость. Меня так отец когда-то наставлял. Медвежьей лапой, разумеется. Однако, сладкий мой, все не так плохо. Учитывая, что с тобой не было «Семи Стоп» и что тебе пришлось прокрутить все по памяти – на Жерло Серебряной Чистоты ты уже заработал. Поздравляю: ты теперь настоящий маг и чернокнижник. И если заговор Сонна все-таки удастся, если с тебя сдернут не твое лицо не твои аррумы, ты будешь по крайней мере знать, за что тебе прописали Жерло Серебряной Чистоты, а не банальную виселицу.

– Какой заговор Сонна? Что за новость?

Остальные ужасы Лараф пропустил мимо ушей. И только многим позже сообразил: Зверда не шутит. А в очередной раз грубо намекает на то, что на случай его, Ларафа, непослушания или бунта против воли баронов Маш-Магарт у нее есть еще один, совсем простой способ устранить неугодного гнорра: сообщить правду о Ларафе-Лагхе его же собственным подчиненным. На Фальме-то Зверда неуязвима для Свода! Или уязвима в значительно меньшей степени, чем Лараф – в Пиннарине, в окружении Пауков окс Гадюки-Превеликие.

– Трудно сказать доподлинно, что за заговор. Возможно, это напрасные опасения. Однако мне кажется, что действия Сонна можно истолковать следующим образом. Тогда, на просеке, он навел на книгу так называемую «отложенную»

порчу, потому что ничего другого сделать просто не успел. Чем он занимался в последующие дни – мы не знаем. Однако недавно – возможно, вчера вечером или сегодня утром – ему удалось установить с помеченной книгой контакт. Это такое свойство «отложенной» порчи – вещь, на которую она наведена, отзывается тому, кто является источником порчи.

– Значит, Сонн в Пиннарине?!

– Да. В Пиннарине, либо очень недалеко от Пиннарина. На больших расстояниях такие трюки смог бы проворачивать разве только Звезднорожденный. Теперь смотри: Сонн с изумлением обнаружил, что «Семь Стоп» отзываются из кабинета гнорра. Как ты думаешь, ему достанет ума связать книгу, твою персону, наши с Шошей взрывные трансформации, разительные перемены в поведении гнорра и гибель Альсима в одну цепочку?

– Хватит.

– Правильно. Можешь считать, что в настоящий момент Сонн знает достаточно для того, чтобы твой эрхагноррат закончился в ближайшие часы. И начался эрхагноррат Сонна, Трижды Бдительного Спасителя Отечества.

– Шилолова кровь!

– Вот именно. Но есть у Сонна и слабость. Она заключается в том, что настоящий Лагха Коалара объявил пар-арценца государственным изменником. Почему – мутная история, вряд ли мы ее когда-нибудь поймем. Офицеры Свода знают, что пар-арценца Опоры Писаний надо разыскать и уничто-

жить. Поэтому просто прийти в Свод со своими догадками Сонн не может – его убьют быстрее, чем он успеет раскрыть рот. Прийти с пустыми руками на дом к пар-арценцу Опоры Единства он тоже боится. Разговор может не склеиться. И все потому, что у Сонна нет – точнее, пока нет – вещественных доказательств. А вот если бы у него на руках были «Семь Стоп» – тогда другое дело. Даже не имея доступа к содержанию книги – она ведь ему не открылась уже один раз и вряд ли откроется, – он сможет козырнуть ею перед Йором. Укажет на книге След твоего предыдущего тела, укажет След тела гнорра... И так далее. Поэтому, хотя мы и не знаем ничего доподлинно, мы можем считать, что против тебя зреет заговор, во главе которого стоит пар-арценц Сонн.

– Ох... Голова кругом идет... Какая вы все-таки проницательная, госпожа Зверда. – Лараф вымученно улыбнулся, но его улыбка больше походила на гримасу утопающего. – Но я по-прежнему не все понимаю. Так что там выходит с этой «отложенной» порчей?

– Выходит вот что: Сонн тоже не всемогущ. Он почему-то не удержал заклятие, и оно сработало преждевременно. В случае идеально наложенного заклятия он смог бы сделать книгу невидимой именно в тот момент, когда его лазутчик проник бы в твой кабинет. Лазутчик заткнул бы книгу-невидимку за пояс и преспокойно прошел через Сквозной Зрак. Почти наверняка этим лазутчиком по замыслу Сонна должен быть кто-то из аррумов Опоры Писаний. Можно пред-

ставить и менее очевидный вариант: лазутчиком является, например, тот младший офицер из Опоры Единства, который ходит прибирать под куполом Свода. Не знаю, как эта должность у вас там называется. А уже за пределами Свода, возможно что и за пределами Пиннарина, лазутчик передаст книгу Сонну. Ты понял?

– С трудом. Так что же мне теперь делать?

– Ну наконец-то ты задал хоть один практический вопрос. Делать вот что. Немедленно возвращайся прямо в Свод. Убедись в том, что книга пока еще на месте. Но ни в коем случае не уноси ее из кабинета и вообще не перекладывай никуда! Затем вызови Йора и обрисуй ему ситуацию. К слову сказать, можешь обрисовать ее вполне правдиво. Без некоторых деталей, конечно. Скажи, что коварный Сонн хочет похитить у тебя очень важную книгу, а какую именно – не его, Йора, дело. Ты, дескать, знаешь, что за этой книгой по поручению Сонна рано или поздно явится похититель. Ты намерен использовать ее как наживку, чтобы изловить Сонна. Ну и все. Йор в таких вещах понимает побольше твоего, а потому дальше твоим делом будет только раздувать щеки да ожидать, когда тебе принесут пару ошметков Сонна. Если только «облачные» клинки Йора и его аррумов оставят от пар-арценца хоть что-то.

– Так просто?

– На словах просто.

Глава 2

Барон Санкут, вежественный Гэвенг

*Если б нелюди не истребляли нечисть, дела
людей были бы совсем плохи.
«Книга Урайна»*

1

Когда они вышли из Двери, звезды Большой Работы уже готовы были окончательно остановиться. Однако стоило только Зверде сообразить, что их возвращение на Фальм происходит не вполне обычно, как некая неведомая сила придавала звездам новое ускорение.

В сопровождении усиливающегося, подвывающего скрежета Дверь поднялась на несколько саженей вверх и зависла над головами баронов Маш-Магарт.

Они находились там же, откуда их извлекла Большая Работа Ларафа – в Неназываемом замке. Но замок этот сейчас имел мало общего с теми унылыми руинами, которые встретили их меньше часа назад, когда они вместе с матросами, несущими гроб барона Санкута, ступили на твердую землю

Фальма.

За секунду до входа в Дверь память Зверды запечатлела внутренний двор замка как перепаханный черно-серый прямоугольник, по которому метались призрачные тени песиголовцев. Это были извлеченные Извержением Лишнего призраки бывших обитателей замка.

Сто восемьдесят лет назад глава местного клана гэвенгов – клана, чье имя было проклято и предано забвению – принял у себя двух феонов, имевших обличье оленеглавых дев. В этом не было ничего похожего на следование законам гостеприимства – «Эвери» запрещает проявлять гостеприимство по отношению к феонам.

Соседние могущественные кланы – Семельвенк, Гинсавер и Маш-Магарт – поначалу делали вид, что не заметили проступка хозяина Южного замка. Потом направили своих посланцев и попросили по-хорошему: прогони феонов прочь.

Однако гэвенг-отступник и трое его племянников не только остались глухи к требованиям посланцев, но и продолжали делить ложе с исчадиями иного мира.

А спустя три года оказалось, что в Южном замке появились новые странные обитатели – полулюди-полупсы.

Традиционной животной гэвенг-формой Неназываемого клана был пес, а потому соседи заподозрили в новых исчадиях плод противоестественного союза феонов и гэвенгов. Причем, как и пристало скорее псам, чем людям, тварям хватило тридцати месяцев, чтобы войти в силу и превратиться

в страшных, свирепых противников.

Зверда знала, что смешанные браки между феонами и гэвенгами, которые случались еще при ледовооких, не давали потомства, а потому не верила в то, что песиголовцы действительно были прижиты от небесных дев.

Однако сто восемьдесят лет назад ее деду барону Санку-ту велиа Маш-Магарт и его друзьям из Гинсавера было не до разбирательств. Их беспокоили только две незатейливые формулы тысячелетней давности: «Фальм для гэвенгов» и «Мир без феонов». Южный замок, он же – Неназываемый, был сокрушен, а все его обитатели истреблены.

И вот теперь Шоша и Зверда стояли перед лицом существ, уничтоженных Полной Работой почти два века назад. Это были призраки прошлого, которым надлежало бы исчезнуть вместе с закрывающейся Дверью.

Однако Дверь по-прежнему гудела над их головами, а призраки прошлого были по-прежнему проявлены на фоне обновленной стены Южного замка.

Их было шестеро, как и следовало ожидать. Одетые в грубые крупнокольчатые железные рубахи до колен, вооруженные молотами, палицами и секирами, они не мигая смотрели желтыми звериными глазами на баронов Маш-Магарт.

«Нашел ты, Лараф, кудесник хренов, местечко, где Дверь открыть, ничего не скажешь, – подумала Зверда. – Впрочем, и мы с бароном олухи – не надо было назначать встречу с Лидом в этом омерзительном месте».

– Где же мой боевой бич? – пробормотал Шоша, неуверенно косясь на Зверду.

Зверда чувствовала, как запотевают в ее ладони рукоять заблаговременно извлеченного меча. Сейчас ей больше всего на свете не хотелось пускать его в ход.

– Медленно, не поворачиваясь спиной, отходим назад, – сказала Зверда вполголоса. – Может, получится уйти тихо.

Им удалось отступить шагов на двадцать. Песиголовцы, не сокращая расстояния, следовали за ними. За это время Зверда убедилась, что перед ней противники из плоти и крови. По крайней мере песиголовцы не являлись ни наведенным видением, ни призраками в узком смысле слова.

К счастью, ничто не указывало на присутствие барона Вэль-Виры. Поразмыслив еще чуть-чуть, Зверда пришла к выводу, что это, может, и хорошо, но прибавляет еще одну загадку.

Для того чтобы по сей час удерживать Дверь открытой, требовался колоссальный приток Силы извне. А Большая Работа Ларафа уже исчерпала себя, и если только к этому пугающему приключению не приложилась когтистая лапа барона-сергамены, то они с Шошей имеют дело с какой-то новой, доселе не проявлявшей себя сущностью.

Зверда и Шоша уперлись спиной в запертые ворота. Если раньше, до Большой Работы, ворота были представлены только одной изъеденной огнем створкой, то теперь это были новые, окованные широкими железными полосами дубовые

створы, запертые на трехладонный брус.

Стоило Шоше прикоснуться к засову, песиголовцы, зарывчав, бросились на них.

Зверда ушла из-под удара длинной палицы, полоснула отточенной сталью по руке ближайшего противника, сжимающей молот, и отскочила в сторону. В засове, перед которым только что стоял Шоша, теперь торчала секира, ушедшая в дерево на полширины железка. Сам барон, вытащив наконец меч, с которым он управлялся куда хуже баронессы, присоединился к Зверде и прикрыл ее спину.

Одновременно с этим на ворота с внешней стороны обрушился громоподобный удар. Пытаясь достать незащищенную шею песиголовца в двойном пируэте, баронесса мельком отметила, что некоторые огромные гвозди, которыми железные полосы крепились к воротам, поддались этому удару и кое-где выползли из своих укромных гнезд – будто редкозубая щука распялила свою плотоядную пасть.

Зверда уже ничему не удивлялась. Она была уверена, что неизвестность, которая заявляет о своем намерении возникнуть среди сражающихся подобным образом, наверняка примет сторону песиголовцев, ибо, казалось, в этот бесконечный день против них восстало само мироздание.

Барон проявил непростительную медлительность и получил палицей прямо в грудь – он успел уклониться ровно настолько, чтобы усыпанное шипами навершие не снесло ему пол-лица.

Под его камзолom что-то хрустнуло. Шоша подумал было – кости, но боли не было. Это всего лишь разлетелся вдребезги почетный нагрудный знак Друга и Союзника Варана, выпущенный поверх надежной баронской кирасы.

В ворота, казалось, ломится харренский осадный каток. Трех ударов хватило неведомому гостю, чтобы измочалить дубовые брусья и высадить кусок одного из них. Сразу вслед за этим в образовавшуюся дыру, в которую могла бы легко проскочить сторожевая собака, просунулась рука в латной рукавице и сдвинула засов в сторону, доделав то, что так и не удалось Шоше.

К этому моменту положение баронов Маш-Магарт было вовсе плачевным. Удачный выпад песиголовца выбил меч из рук Шоши и тот остался с одной роскошной, но малофункциональной тройчатой дагой – подарком Лагхи Коалары.

Зверда, которая умудрилась перерубить под нижним краем кольчуги ногу одному из нападающих, убедилась, что сама кольчуга сработана настолько славно – или Изменена настолько умело, – что даже ее отменный клинок не в состоянии вскрыть защитные покровы посланников прошлого. При этом, похоже, исчадия феонов успели сломать ей левую ключицу. Боль по крайней мере постепенно выходила за грань переносимой.

Еще один могучий удар – и ворота распахнулись. Вместе с фигурой в архаических полных доспехах во двор Неназываемого замка ворвался ураганный ветер.

Песиголовцы, как по команде, оставили Шошу со Звердой. Даже и не подумав о том, чтобы подобрать обездвиженного баронессой единоплеменника, они бросились наутек.

Сокрушивший ворота человек держал в правой руке длинный прямой меч, а в левой – книгу, раскрытую и обращенную разворотом к песиголовцам. На голове человека был надет шлем, чей поднятый наличник изображал оскаленную медвежью пасть.

Судя по черной, не тронутой сединой бороде, гостю было лет сорок, не больше. На двух цепочках к его нагруднику был привешен позолоченный книжный короб.

В развороте книги бушевало сапфировое пламя с ослепительными прожилками цвета раскаленного добела металла. Человек что-то рычал на языке гэвенгов, но ревущий ветер мгновенно сносил заклинания в спину песиголовцам, а потому Зверда не смогла разобрать ни слова.

– Это барон Санкут! Раздери меня тысяча крючьев Шилола, если это не ваш дед, баронесса! – прокричал барон Шоша прямо в ухо Зверде.

Зверда молча кивнула. Немногие гэвенги имели настоящую книгу-подругу и уж совсем немногие носили ее в золоченом железном коробе. Ну а забрало в форме медвежьей пасти Зверда помнила с детства – Санкут был похоронен без шлема. Могучая стальная шапка барона по сей день занимала почетное место в оружейном зале замка Маш-Магарт.

Баронесса ожидала увидеть здесь кого угодно, но только

не своего предка, чей прах в гробе-лодке проделал с ними долгий путь из Казенного Посада. Не говоря уже о книге, которая, несомненно, являлась «Семью Стопами Ледовоокого»! Теми самыми, которых не мог доискаться Лараф в своем кабинете!

Санкут, кажется, не замечал ни своей внучки, ни ее супруга. Слегка раскачиваясь из стороны в сторону, он деловито подошел к скулящему на земле раненому песиголовцу, произнес заклинание, напомнившее Зверде формулу Полной Работы, и раскрыл исчадию череп своим мечом.

– Благородный барон Санкут велиа Маш-Магарт! – вежливо позвала его Зверда на языке гэвенгов.

Санкут наконец повернул к ней свирепое, но не лишнее привлекательности лицо.

– Кто вы, прекрасная госпожа? – галантно осведомился он. – И кто ваш спутник? Откуда вам известно мое имя?

– Меня зовут Зверда, а это мой муж – Шоша. Мы гэвенги, как и вы.

Барон Санкут с подозрительным прищуром смерил их не знающим вещных препон взглядом с ног до головы.

– Слабовато для гэвенгов, – процедил он. – Что-то я вас прежде никогда не видел. Вы, полагаю, прибыли из Ноторма? У вас там все такие?

– Какие – «такие»? – запальчиво осведомился Шоша. – Попридержите язык, благородный...

Зверда вслепую, но очень ловко лягнула своего несдер-

жанного мужа каблуком сапога. Шоша сразу же заткнулся.

– Мы не из Ноторма. Видите ли, благородный барон Санкут... Дело в том, что я – ваша внучка. Я – старшая наследница Маш-Магарт.

– Это чушь. – Санкут гневно свел густые брови на переносице. – Но я вижу, что вы не лжете. Вы верите собственным словам, – растерянно добавил он. – Следует предположить, что вы – сумасшедшая. Я, правда, никогда не видел сумасшедших гэвенгов.

– Мы не сумасшедшие! Это стихии Неназываемого замка сошли с ума! Дед, ты разве не видишь, что кругом творится что-то неладное? Вспомни – разве не ты некогда истребил проклятых песиголовцев? И вот они снова здесь – живые и невредимые. И их снова нужно убивать!

Санкут, казалось, почти не слушал Зверду. Во время ее тирады он задумчиво шевелил губами, как малограмотный селянин, читающий мудреные «Буквицы» для младших школяров. Неожиданно лицо его просветлилось и он воскликнул:

– Да, не встречал я еще гэвенгов-безумцев! Но не видал я раньше и двужилых тварей, рожденных от мерзостного соития гэвенга и феона. Коль скоро так – невозможное возможно.

– Дед, да открой же ты глаза! Мы же сейчас в безвременье!

– Вот что, госпожа. Мою внучку сейчас носит под сердцем жена моего единственного законного сына. Сливать на сто-

рону не в моих правилах, поэтому у меня нет и не может быть никакой внучки ваших лет! Посему – кем бы вы ни были – можете считать себя и своего спутника моими пленниками.

– Что-о?! – Шоша в негодовании непроизвольно сделал два шага к воскресшему барону, но вынужден был немедленно остановиться: ему в горло уперся молниеносно выброшенный вперед клинок Санкута.

– Не двигайтесь, иначе вместо моей темницы вы попадете в узилище смерти. Вы – мои пленники по праву, ибо я спас ваши жизни от посягательств этих выроdkов земли и неба, а потому отныне волен распоряжаться вами по своему усмотрению. Или вы позабыли «Эвери»?

«Ирония в том, дед, что именно „Эвери“ ты и позабудешь в далеком Варане», – подумала Зверда, но смолчала. Внимать подобным речам «сумасшедших гэвенгов» барон Санкут со всей очевидностью не намеревался.

– Слушаем слов твоих, – вежливо ответила Зверда.

Санкут, однако, этим не удовольствовался. «Семь Стоп Ледовоокого», с которыми он, судя по всему, обращался не в пример Ларафу виртуозно, пронзили баронов Маш-Магарт снопом ледящего света.

Зверда почувствовала, как всю ее одежду от подошв сапог до воротника камзола пропитала льдистая субстанция, которая мгновенно застыла и стала крепче стали. Зверда и Шоша теперь были закованы в собственную одежду.

Санкут удовлетворенно кивнул и направился к песиголов-

цам, которые сбились в кучу в углу двора. Видимо, барон Санкут нагонял на них такой ужас, что они даже не попытались ни напасть, ни проскользнуть мимо него и вырваться прочь через распахнутые ворота.

Несмотря на то, что теперь они не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой, тела их сохранили подвижность суставов, а потому Шоша и Зверда, вывернув шеи, смогли увидеть все, что произошло между песиголовцами и бароном Санкутом.

Дверь все еще оставалась открытой, только поднялась повыше. Но когда Санкут, не замечающий, казалось, ничего, кроме ненавистных ему песиголовцев, оказался под парящим ромбом, образованным звездами Большой Работы, Дверь ринулась вниз.

Санкут запрокинул голову, изумленно вскрикнул, упал на одно колено и выбросил навстречу ревушим звездам «Семь Стоп Ледовоокого». Извне это смотрелось так, будто барон воздвиг над собой купол из прозрачного упругого материала. Ибо Дверь, зависнув прямо над книгой, не смогла накрыть барона и втянуть его в себя.

Лицо Санкута стремительно побагровело. Из-под его колена во все стороны ударили струи дымящейся грязи. Железная морда медведя на баронском забрале издала протяжный трубный глас.

Тут песиголовцы, словно по команде, сорвались с места и бросились к Шоше со Звердой.

– О сыть Хуммерова! – Шоша отчаянно забился внутри

отлившейся в несокрушимые оковы одежды, но сила «Семи Стоп» не отпускала.

– Барон! Барон Санкут! Попытайтесь закрыть Дверь! Швырните в нее меч или шлем! – что было сил завопила Зверда, одновременно пытаясь достучаться до сознания своего деда безмолвной речью.

Барон или не слышал, или не желал слышать «сумасшедшую госпожу». «Семь Стоп Ледовоокого» в его ладони были почти не видны под многослойными покровами малинового пламени. Похоже, барону очень не хотелось попадать внутрь, а Дверь – или та сила, которая стояла за Дверью, – только к тому и стремилась, чтобы затащить барона в неведомое.

Призвав в помощь все разделы книги, барон Санкут поднялся в полный рост.

Разливаясь запредельными рыданиями вперемежку с молотобойным уханьем, Дверь подалась вверх.

Барон сорвал с головы шлем и швырнул его в разверстую пустоту.

Звезды Большой Работы на мгновение остановились, стали полупрозрачными, но тотчас же вновь налились материей и завращались: медленнее, чем раньше, но столь же неумолимо.

Песиголовцы были уже совсем близко. Прыжок бегущего впереди всех завершился приземлением в двух саженях от Зверды. Еще один шаг, другой, секира занесена для последнего удара...

Барон прыгнул вверх, по-прежнему держа книгу над головой. Дверь поглотила всю верхнюю часть его туловища – так, что за пределами плоскости портала остались болтаться только ноги барона.

Но втянуть в себя барона полностью Дверь уже не смогла и выплюнула обратно – будто обглоданного акулами, страшно-го, дымящегося. «Семи Стоп Ледовоокого» при бароне Санкуте больше не было – они стали последним предметом, который Дверь смогла поглотить без остатка.

Сразу же вслед за тем портал закрылся. Он и без того простоял открытым куда дольше положенного срока. Зверда даже не могла себе представить, сколько сил затратило существо, стоявшее по ту сторону видимого, чтобы склонять непреклонную природу к столь изрядному поведению.

Вместе с исчезновением портала начало проявляться то, что принято именовать «реальностью».

Секира песиголовца так и не достигла головы Зверды. Она выпала из истекающих пеплом пальцев и обратилась куском ржавчины, насаженным на черное гнилье. Песиголовцы на глазах разложились и вернулись в свое естественное состояние: стали черным прахом и головнями.

Стены Южного замка ушли в густеющие сумерки. Но даже в полумраке было видно, что они теперь вновь закопчены и оплавлены.

Вместе с исчезновением призрачного образа «Семи Стоп Ледовоокого» распались чары, наложенные Санкутом на

одежды баронов Маш-Магарт.

Первым делом Зверда бросилась к телу своего деда. Однако тела как такового больше не было. Раскинув кости в стороны, перед ней на земле покоились те самые останки, которые они привезли из Варана. Книжный короб на двух цепочках по-прежнему находился на месте, но «Семи Стоп» в нем, как и положено, не было.

– Вы понимаете, что тут произошло? – спросил Шоша, подходя к Зверде и склоняясь над скелетом – безжизненным, холодным, ничем не напоминающим о том, что еще несколько мгновений назад он служил остовом отважному воину и вежественному гэвенгу.

– В общих чертах. Я понимаю, что мы почему-то пересеклись с прошлым или, точнее, прошлое просочилось в настоящее. И песиголовцы, и мой дед тогда были живы – вот мы с ними и повстречались. «Семь Стоп» тогда были с моим дедом – и мы их увидели во всем великолепии. Но вот о чем я вовсе не берусь судить – так это о последствиях.

– Какие могут быть последствия? Ведь все вернулось на свои естественные позиции! Только, к счастью, Вэль-Виры нигде нет. И, к несчастью, я по-прежнему не вижу своего бича.

– Мне было б спокойнее, если бы с моим дедом не оказалось книги.

– Но в этом случае мы скорее всего пали бы от рук песиголовцев!

– Да, это было бы худшим из худшего. Я хочу сказать, что коль уж мы спасены, то теперь худшим из худшего можно считать захват книги Дверью.

– Однако ведь ясно же, что настоящая книга лежит сейчас в Своде Равновесия! А это был только призрак времени, который бесследно сгинул за Дверью!

– Если только он и впрямь сгинул бесследно, – досадливо проворчала Зверда.

– Барон, будьте столь любезны – приволоките сюда гроб.

– Что? Ах да... А зачем?

Барон, похоже, был настолько истощен головокружительными путешествиями в пространстве и, вероятно, во времени, так увлекся розысками своего бесследно сгинувшего боевого бича, что совершенно утратил чувство актуального момента реальности.

– Гроб совершенно необходим.

Шоша не стал спорить и, тихонько ворча нечто про зломерзостную специфику женских причуд, направился к выходу из замка. Через минуту до Зверды донесся его удивленный возглас:

– Баронесса! Гроб пуст, клянусь молоком земли и неба! А крышка выломана, и притом изнутри!

– А вы как думали?

– Я... я не знаю. Я как-то не думал... И матросов Цервеля след простыл!

– Стали бы они дожидаться, пока Вэль-Вира разорвет нас в клочья, а потом примется за них! – фыркнула Зверда.

– Я не о том. Следов нету. Понимаете? И гроб снегом успело припорошить, и следы занесло!

– Барон! Вы соизволите подтащить гроб или мы продолжим беседу в прежнем духе, перекрикиваясь на пол-Фаль-

ма?!

Пыхтя и отдуваясь, слабеющий Шоша наконец приволок тяжелое сооружение, придуманное некогда гэвенгами как совершеннейшее средство для доброго посмертного путешествия в Пределы Исхода.

– Благодарю вас. Теперь мы должны со всей мыслимой осторожностью водрузить моего деда обратно.

– А может, ну его к Шилолу?! – не выдержал Шоша. – Баронесса, мы имеем все шансы никогда не вернуться в Маш-Магарт! У нас может не хватить сил даже для того, чтобы просто дойти туда на своих двоих! А вы, как буйнопомешанная, тщитесь любой ценой закопать на нашем дворе мешок родных костей! Что за отсталые суеверия?! Дорога завалена снегом. Носильщики разбежались. Где-то поблизости, возможно, рыщет Вэль-Вира...

– Тс-с, – тихонько прошипела Зверда, приложив к губам своего супруга указательный палец.

– Я слышу голоса, – прошептала она.

– Я тоже, – еле слышно ответил Шоша.

– И еще кое-что: один из голосов принадлежит Лиду. А другой – Фоманху.

– А вдруг?..

– Исключено. Барон, поддержите остов моего славного предка под голову и плечи...

– Итак, моя баронесса, мы выступили в точности тогда, когда было условленно. Тому свидетели – сотник Фоманх и воины моего отряда. По моим расчетам мы должны были в пятидневный срок достичь Южного замка, разбить укрепленный лагерь и спокойно дожидаться вашего появления.

Зверда молча кивнула. Много говорить ей не хотелось, да и настроения не было. Ключица, похоже, все-таки уцелела, но боль досаждала ей все сильнее. От этого ее мысли приобретали все более мрачные тона. «Неужели Лид был подкуплен Вэль-Вирой? Но тогда следует предположить, что и Фоманх тоже. И второй сотник, и все другие начальники отряда, вплоть до десятников – тоже».

Несмотря на то что баронесса ехала на комфортабельных санях с эскортом из двухсот латников, чувства полной безопасности по-прежнему не возникало. Она все никак не могла позволить себе расслабиться, принять столь необходимую ей дозу земляного молока и отдаться заслуженному сну. Разобраться с опозданием Лида требовалось немедленно.

– Первые три дня все шло по плану. На четвертый – начался снежный буран, но мы продолжали вести людей вперед. Однако в сумерках обнаружилось, что дорога исчезла. У нас за спиной еще виднелась узкая, заваленная снегом колея, но прямо перед нами, справа и слева от нас, был только

густой ельник.

– Вот как?

– Именно так. У меня нет никаких удовлетворительных объяснений случившемуся. Мы заночевали прямо на том месте, где потеряли дорогу. Наутро я выслал разведчиков во все стороны. Оказалось – в одной лиге от нас тянется вполне приемлемая просека. Тогда я принял решение: выслать прямо через чащу, по «заветным» тропам, два десятка самых проворных людей, чтобы хоть они встретили вас вовремя. Насколько я понимаю, они исчезли бесследно?

– Да. Едва ли мы когда-нибудь с ними повстречаемся.

– Вы думаете, их перехватили пластуны Вэль-Виры?

– Пластуны – вряд ли, – уклончиво ответила Зверда.

Баронесса не сомневалась, что весь передовой отряд Лида был перебит в глухой чаще хозяином Гинсавера лично. Вообще же, узорочья всей этой истории были сложены тремя разными почерками: Вэль-Виры, какого-то опытного колдуна, состоящего на службе у барона, и... феонов.

С последним баронессе было особенно горько соглашаться, однако она не располагала другими приемлемыми гипотезами. Ни Свод Равновесия, ни другие кланы гэвенгов, ни жрецы Гаиллириса не удержали бы Дверь открытой и на полсекунды сверх меры Большой Работы.

– Я не хотел бросать в лесу лошадей и сани. Поэтому мы с основным отрядом прорубились к просеке. До вечера мы продвигались по ней на юг, что меня вполне устраивало. Од-

нако вечером снова...

– Пойдите, Лид. Где Фоманх?

– В арьергарде.

– Пошлите за ним.

Посылать никого Лид не стал. Вместо этого он гаркнул «Фоманх, ко мне!», да так, что у Зверды зазвенело в ушах. Не прошло и пяти секунд, как сотник уже гарцевал рядом с санями баронессы.

«А дисциплина ничего», – одобрительно подумала баронесса. Отправляясь в Варан, Зверда опасалась, что без них с бароном дружинники подраспустятся. Обычно-то в снежную пору все войско торчало по домам. Эта зима была второй на памяти Зверды, когда баронским дружинам пришлось без роздыху шастать по Фальму туда-сюда, словно был разгар лета. Проклятый Вэль-Вира!

– Фоманх, скажи: что ты должен был делать, отправляясь вместе с Лидом встречать своих хозяев?

– Ежеутренне и ежевечерне свершать то, что было вами велено, госпожа.

– Лучше и не скажешь. – Зверда устало усмехнулась. – Ты в точности придерживался моих повелений?

– Да, госпожа.

Велено же Фоманху было выполнять простую, но достаточно эффективную процедуру по отводу от отряда запретных взоров. А равно и по растворению вероятных морозов.

Для этой процедуры нужны были лишь несколько предметов, составлявших Пятерик Верной Дороги. Этому Пятерiku Зверда перед отъездом сообщила определенные свойства. Требовались еще несколько слов-знаков, которые склоняли предметы к соответствующему поведению. В итоге, собственно магических талантов все это требовало от Фоманха немногим больше, чем разделявание оленьей туши.

– Фоманх, ты знаешь, что я всегда и везде, даже на смертном одре, даже в образе своего посмертного изваяния почую твою ложь.

– Да, госпожа. Но я в самом деле ни разу не отошел от ваших указаний.

Зверда лукавила. Белый снег на черных ветвях казался ей сейчас темно-серым песком на бурых водорослях. Зрачки баронессы постепенно утрачивали типическую остроту человеческого восприятия. Вслед за ними и другие признаки гэвенг-формы человек готовились выродиться безвозвратно. Поэтому баронесса сейчас не могла различить лжи и правды привычными гэвенгу способами, то есть безошибочно.

– Верни мне все, что я оставляла тебе.

Фоманх вынул из притороченной к седлу сумы меховой мешочек, в котором перестукивались амулеты.

Зверда высыпала их на ладонь. Пять фигурок, вырезанных из тюленьего бивня. Два потешных зайца стоят на задних лапах, потрясая круглыми щитами, на которых нарисованы недремлющие, нечеловеческие очи. Медведица с вы-

пученными, гипертрофированными глазами. И два горбатых человечка. Один – слепец, шагает себе вперед, опираясь на посох. Второй – одноглазый, сидит, скрестив ноги, и смотрит прямо над собой, вверх. Пятерик Верной Дороги, весь в сборе.

Эти вещицы должны были *проглядеть* вероятный морок, буквально повертеть в нем дырку. А запредельный взор должен был сгинуть без возврата во чреве слепца с посохом.

С этого – с осмотра амулетов – и надо было начинать. Чем сильнее смазывалась для баронессы действительность, в которой обретала свою реализацию гэвенг-форма человек, тем явственнее проступали контуры нескольких сопредельных ветвей бытия.

Чей-то небрегающий расстоянием перст прикоснулся к этим вещицам приблизительно неделю назад. Под круглыми очами на заячьих щитах Зверда чувствовала пульсацию двух враждебных острых зрачков, от пристального внимания которых покалывало в затылке.

Зверда с изумлением почувствовала, что этот взгляд нельзя назвать злым или смертоносным. Скорее, он сообщал об изумлении невидимого мага, о плотском желании, о внезапно вспыхнувшей нечистоплотной влюбленности в ту, которая сейчас изучает свой искаженный Пятерик Верной Дороги.

Да, другие фигурки тоже были искажены, каждая по-своему. В лучшие времена Зверде достало бы искусства, чтобы

выдавить невидимому мерзавцу глаза, выломать всепроникающие персты, наконец, загнать обсидиановой остроты когти под череп далекого мага-незнакомца. О, да еще сегодня утром, окажись Пятерик Верной Дороги в руках у баронов Маш-Магарт, кудесник Вэль-Виры (а мерзавец, несомненно, служил именно барону Гинсавер) прямо за завтраком приправил бы своими мозгами мозги с горошком.

В том, что враг завтракал именно мозгами с горошком, Зверда почти не сомневалась. На Севере почти все человеческие маги следуют одной и той же диете.

Он был удивительно силен, этот мозгоед, если ему удалось в свое время превозмочь защитные свойства амулетов. И одновременно – уязвим, поскольку, обратив Пятерик Верной Дороги против отряда Лида, он раскрывался сам и позволял зеркально обратить себе во вред силу собственного дальнего действия.

Зверде оставалось только печалиться или злиться – на выбор – по поводу того, что еще по меньшей мере полные сутки она не сможет использовать эту превосходную возможность уничтожить врага в его собственной трапезной. А к тому моменту, когда силы к ней вернутся – далекий враг наверняка оставит Пятерик, не настолько он глуп, этот неведомый мерзавец.

Лид и Фоманх хранили почтительное молчание и даже не позволили себе обменяться друг с другом хотя бы взглядом. Оба готовились к самому худшему.

Баронесса засыпала Пятерик Верной Дороги обратно в мешочек и протянула его Фоманху.

– Вы свободны, сотник. Возвращайтесь к своим людям. А вы, Лид, продолжайте. Как вам в конце концов удалось выйти к Южному замку?

– Это самое удивительное, – смиренно вздохнул воевода, проводив завистливым взглядом Фоманха. Этому, похоже, удалось отвертеться. Ясное дело – сотник из местных, потомственный вояка баронов Маш-Магарт. А ему, иноземцу, сейчас достанется за двоих. – Мы теряли направление еще два раза. Приметная развилка, которую мне вроде бы удалось признать по карте, оказалась лишней, вовсе не той, и мы свернули преждевременно. В другой раз дорога, сузившись до тесной тропы, закончилась между глубокими оврагами с буреломом. И вот когда я уже начал подумывать, удастся ли нам вообще когда-либо покинуть этот столь явно заколдованный лес, мы услышали такие раскаты грома, какие редки и по весне. Грохотало над юго-восточным пределом чащобы, тем самым, который был недостижим для нас из-за непролазного бурелома.

– Когда это случилось?

– Позавчера на закате, госпожа.

«Это была Большая Работа. Которая совершилась не „позавчера на закате“, а с моей точки зрения – сегодня вечером. Хотела бы я знать, куда сгинули для нас эти два дня».

– Это мы с бароном стучались в небеса. Понимаете? –

спросила Зверда с наивозможнейшей проникновенностью. Она пошарила рукой под меховым покрывалом, нащупала баклагу с земляным молоком и не отрывалась от нее в продолжение всей Лидовой тирады:

– Понимаю. И стоило вам постучать в небеса, баронесса, как из земли вверх ударил столб не то серой жидкости, не то мельчайшего песка. Мы видели его на горизонте. Признаться, столь мрачная картина была уже несколько избыточным впечатлением. От этого столба многих солдат поразили столбняк. Простите за невольный каламбур, баронесса.

Земляное молоко ударило Зверде сразу и в ноги, и в голову, и во чрево. Блаженство! Баронесса знала, что через пять минут будет спать глубочайшим из снов. То есть делать то, что барон Шоша не погнушался предпринять сразу же при встрече с отрядом Лида, предоставив супруге самой проявлять подозрительность, проводить дознание и – в случае чего – карать виновных.

Зверда не ответила Лиду. Помолчав с полминуты, он приободрился и продолжил излагать недооформленными риторическими периодами в духе «Ре-тарских войн» Хаулатона:

– Всю ночь мы провели в палатках. Земля вокруг ходила ходуном. В чаще с протяжным стоном гибли древесные исполины. Я произнес речь о том, что солдатам не пристало бояться извержений подземного огня. Я сказал, что ученые мужи моей страны уже давно объяснили подобные катаклизмы игрой бездушных природных сил. Мое красноречие

возымело определенное действие. По крайней мере дружина не разбежалась. А утром мы все будто прозрели. Местность претерпела некоторые изменения. И хотя по-прежнему слева и справа пролегали глубокие овраги, но за одним из них, между деревьями, что-то темнело. Это был древний межевой камень с затертым именем владельца. То есть, как вы догадались, граница заветных владений Неназываемого замка. Совсем недалеко от камня сыскалась и дорога. Стоило лишь разобрать несколько завалов, засыпать фашинами овраг и проложить просеку до большака. Наличие межевого камня вполне совпадало с показаниями карты, да и в дальнейшем дорога вела себя согласно «Фальмскому Толковнику».

– На этом ваши злоключения окончились, – кивнула Зверда.

– Истинно так.

– По законам Варана вас, Лид, следовало бы обезглавить, даже не предоставив возможности оправдаться. Формально вы наш приказ не выполнили. Вы опоздали.

Воевода Лид понимал, что баронесса совершенно права. Однако по ее улыбающимся глазам – а глаза Зверды определенно улыбались – он понимал также, что голова его осталась бы на месте даже в том случае, если б он не смог предъявить вообще никаких доказательств своей невиновности. Потому что чете баронов Маш-Магарт досталось, похоже, настолько крепко, что даже запоздавшая помощь в лице Лида и его от-

ряда была желанна, уместна и даже совершенно необходима.

– Да, баронесса.

– Но поскольку мы не в Варане и поскольку ваш отряд стал жертвой игры превосходящих... гм... бездушных природных сил, я милую вас до дальнейших распоряжений. Можете поцеловать, – ответила Зверда изумленному взгляду Лида, который таращился на выпростанную из-под мехов ручку баронессы. Ручка оканчивалась пальчиками, а пальчики – серповидными когтями в два вершка.

Глава 3

Объект второй степени важности

– Элиен?

– Я.

– Тот самый Элиен? Из Ласара?

– Ну.

– Вы арестованы.

Олак Резвый. Прозаическое переложение «Геды об Элиене»

1

Эгин бросил прощальный взгляд на утопающий в низких облаках Ит и вздохнул с облегчением. Немыслимый город, город-призрак, город-художник был, наверное, прекрасен. Вероятно, какую-то другую свою жизнь ему хотелось бы прожить там, в Ите. Но Эгин не стал обманывать себя: покинув это пристанище магов и авантюристов, он почувствовал себя почти счастливым.

Не без иронии Эгин отметил, что теперь похож на персонажа волшебной сказки более, чем на самого себя. Пожалованный Есмаром (который теперь – ни много ни мало – Царь Озера и Города!) каурый жеребец, облаченный в шикарную, но с большим вкусом выделанную сбрую, степенно шествует

по мощеной дороге. Уже виднеется застава, обозначающая границу владений вольного города. Несколько недель – и он в Пиннарине!

В сарноде у него звенит золото, выданное итским казначейством вместе с благодарственным пергаментом. Назначение золота объясняется в пергаменте веселящей сердце формулой: «На обеспечение беспечального возвращения».

В кожаной суме, висящей на груди на коротких ремешках, свернулся зародышем чуда белый лотос на мясистом стебле – главное волшебство Ита. А в лотосе, между его колдовских лепестков – сам гнорр Свода Равновесия, милостивые гиазиры!

Правда, это пока не совсем материальный, маленький и прозрачный гнорр, но все-таки это гнорр, говорящий самым настоящим голосом. Правда, он, Эгин, слышит его не ушами, а как бы сразу мозгом.

Сума, притороченная за седлом Эгина, туго набита подарками, соперничающими между собой в изысканности и диковинности.

«Нахвтался, как Серко блох», – вполголоса хмыкнул он. Однако теперь с ним не было никого, кто мог бы разделить его иронию героя-скромника.

Верный маленький попутчик Есмар, не по-мужски и уж тем более не по-царски порывав на плече уезжающего «гиазира Эгина», остался царствовать в Ите в обществе своей неземной жены.

Да и галантный бандит Милас, бывший неплохим попутчиком и компаньоном, а ныне ставший самым обыкновенным другом, тоже остался в «распечатанном» городе. Милас, хоть и был бандитом, спяну расчувствовался как простой обыватель.

– Вот так всегда, Эгин! Только найдешь друга, как сразу его потеряешь. Грустно. Может, и правы философы – ну ее к Шилолу, эту дружбу?

– Что это за философы такие? Уж не те ли самые, которые уверяют, будто этот мир существует только в нашем воображении? – спросил тогда Эгин, чтобы покрасоваться ошметками былой образованности.

– Не важно... А впрочем, ведь говорил же мой дед в непомнюкакой поэме: «Вот она, наша жизнь! Семь расставаний, восемь встреч!»

– А что, Эриагот Геттианикт и правда твой дед, Милас? – шепотом спросил Эгин.

– Не сомневайся! Он мне такой же дед, как ты – сын своего отца, – загадочно улыбаясь, ответил Милас.

Это могло означать и «да», и «нет».

В том, что он – «сын своего отца», Эгин не сомневался. Сомневался он лишь в том, что у него когда-либо был отец, не в телесном, конечно, но скорее в юридическом смысле. Он считал себя сиротой, ибо знал: за редчайшими исключениями в Свод не берут детей, о родителях которых простой смертный сможет узнать что-либо кроме того, что их уже нет

на свете.

Однако он не стал настаивать на ответе. Он уже усвоил: невольных признаний из Миласа не вытащишь и пыточными клещами.

Да и сам Милас почувствовал неловкость. Ему не нравилось казаться авантюристом. И он постарался замять вопрос о знаменитом деде, вынув как будто бы из воздуха резной футляр из черепных костей местного ската-водолета. Футляр был величиной с две ладони.

– Открывай, не бойся.

В футляре лежал ключ-улитка, улитка-дирижер. Рядом с ней покоилась музыкальная игла.

– Это на память. Сейчас она спит. Соберешь ей компанию, прицепишь к дереву и насладишься музыкой! Рекомендую сосну, не слишком старую. Неплохо звучит весенний кипарис. Хотя с непривычки может показаться немного приглушенным, таким, знаешь ли, занудным, – прокомментировал Милас.

Почему-то Эгин был совершенно уверен, что никогда не станет использовать этот ключ-улитку по назначению. Уж очень неприятно было вспоминать оба предыдущих столкновения с музыкальной магией.

Сопливая царица каким-то чудом прознала о подарке Миласа и, кажется, решила перещеголять его.

– Я подарю тебе, чужестранец, нечто такое, чего никогда не продают на дрянных аукционах в Волшебном театре, –

церемонно сообщила она.

Эгин не понял, была ли это колкость в адрес Миласа или просто вступление. Он счел за лучшее промолчать.

– Это дорогой подарок. И мне жаль отдавать его тебе. Но с другой стороны, что это за подарок, которого не жаль отдавать? Тогда это не подарок, а мусор.

Упоминание о том, что подарок «дорогой», несколько смутило Эгина. Он и так получил более чем достаточно для скромного спасителя города. Он спас жизнь гнорра Свода Равновесия!

– Но позволь, царица... Ты уже сполна наделила меня от своих щедрот... – запротестовал Эгин, имея в виду Белый Цветок с заключенным в нем семенем души Лагхи.

– Это был не подарок. Это была так... благодарность. Лотосом я с тобой сквиталась за добро. А теперь – просто подарок, не плата. Он будет сам по себе, – дала путаные объяснения царица. Как всегда в тоне, не терпящем возражений.

Эгин сдержанно потупился. Дари, мол, если так решила.

Итская дева протянула к Эгину свою узкую ладошку, на которой стоял флакончик, похожий на огромный желудь с массивной шляпкой.

Присмотревшись, Эгин понял, что флакончик сделан из гигантской черной жемчужины, внутри которой была, видимо, высверлена полость. Вторая жемчужина служила флакончику пробкой. Судя по всему, пробка была пригнана с точностью филиграннейшей и плотно, насмерть притерта.

Почему-то Эгин не сразу решился взять флакончик. Чем-то серьезным и печальным веяло от него.

– Что это? Неужто слезы магдорнского Тритона? – попробовал пошутить он.

– Нет, – без тени улыбки отвечала царица. – Это духи.

– И какой же запах у этих духов?

– Запах времени.

– Разве время имеет запах?

– Имеет, – степенно кивнула Итская Дева. – Но он не похож на запах мимозы или розмарина. Оно пахнет как... как... как ключевая вода!

– Должно быть, это печальный запах, – улыбнулся Эгин. – Ну тогда скажи мне, царица, перед каким приемом следует душиться этими духами?

– Эти духи не для ерунды, – фыркнула царица, понимая, конечно, приемы. – Это духи для воспоминаний. Хватит одной капли, чтобы вспомнить все, что пожелаешь. Даже то, чего ты никогда не помнил. Прими их и не донимай меня больше вопросами!

Эгину ничего не оставалось, кроме как благодарно поцеловать руку девчонке, которая после окончательного «вочеловечивания» снова стала строптивой, высокомерной и переменчивой. То есть такой же, каким был город, в котором ей предстояло царствовать.

Эгин отогнал прочь воспоминания и снова обернулся в сторону Ита. Но его уже совсем не было видно за низкими

кудлатыми тучами, которые стлались над озером и выющейся вдоль берега дорогой.

Если бы пять лет назад в Своде Равновесия кто-то на-пророчил молодому эрм-саванну Эгину, что в один прекрасный день он будет возвращаться из «распечатанного» Ита с подарками от Девы Озера, он, пожалуй, порекомендовал бы фантазеру немедленно обратиться к Знахарю. На предмет вменяемости. «А теперь даже странно думать, что может быть иначе».

Эгин проехал через заставу и пост сборщика пошлины без всяких приключений.

Сама будка сборщика теперь имела вид донельзя мирный. Ничто в ней не намекало на те жуткие события с лужами крови и полетами по воздуху, участниками которых совсем недавно были Эгин, Милас и Есмар. «Счастливого пути», – прошепелявил вслед Эгину стражник, как двоюродный брат похожий на одного из давешних убийц из клана Собирателей, рекомых также попросту «жемчужниками».

Эгин пришпорил жеребца. Он знал – совсем скоро он выедет к дорожной развилке.

Южная дорога со временем приведет его к Пиннарину – почему-то Эгин был уверен, что гнорр хотел бы оказаться именно там. А другая дорога, помнил он, зовется Поперечным трактом (приблизительно так Эгин перевел для себя слово «Марнильм» с харренского) и оканчивается в мрачном многолюдном муравейнике с названием Тардер. Он был уверен, что в столице Ре-Тара им с Лагхой делать нечего. И все-таки об этом не мешало спросить у самого гнорра.

Пока дорога была сравнительно малолюдной. Дождавшись, когда она совсем опустеет, можно будет раскрыть лотос (или, как в положенной для гостьи из седой старины манере называть вещи *тем, что они есть*, выражалась Итская

Дева, «Белый Цветок») и пообщаться с гнорром, не покидая седла. Съезжать в лес Эгину не хотелось – за время путешествия он успел возненавидеть «природу» тихой, но лютой – как и положено – ненавистью.

Дорога впереди была пуста и проходила через березовую рощу. Эгин оглянулся, надеясь удостовериться, что сзади тоже никого нет.

Держи сарнод шире! Из-за поворота, несясь во весь опор, выскочили четверо всадников, выраженных не по итской, но по харренской моде.

На них были широкие бархатные куртки с «надувными», как называли их в Варане, рукавами и узкие замшевые штаны со швами, отделанными позументом. Кожаные головные косынки были завязаны сзади самым изысканным образом, сочетающим небрежность и высокое искусство, розовые рубахи – с некоторым избытком расшиты разноцветным бисером.

Лошади у всадников были свежими и породистыми. Кавалькада больше всего походила на компанию богатых повес, выходцев из купеческого сословия, не испытывающих недостатка ни в чем, кроме дворянских грамот.

Одно только смущало Эгина, пребывающего в самом благостном расположении духа, а именно: какая нелегкая занесла этих беззаботных щеголей сюда, в эту глушь, без слуг и сопровождающих?

Когда четверка почти поравнялась с Эгином, тот заметил,

что одним из всадников является девушка, одетая как парень и сидящая в седле по-мужски.

Несмотря на то, что компания выглядела мирной, Эгин на всякий случай опустил ладонь на рукоять своего «облачного» клинка.

– Извините нас, милостивый гиазир, за то, что нарушаем ваше уединение, – обратился к Эгину первый, с бородкой-клинышком и ухоженным островком усов над верхней губой. Обратился на чистом харренском. Держался он при этом на почтительном отдалении, заходя к Эгину справа.

Эгин натянул поводья. Его жеребец остановился. Остановилась и четверка.

Эгин заметил, что девушка бросила взгляд на его «облачный» клинок. Впрочем, такой мимолетный, что ни о чем, кроме праздного интереса, он вроде бы не свидетельствовал.

– Прошу вас рассудить наш спор, – вступил второй, с убедительными золотыми браслетами на левом запястье, обладатель самого широкого воротника и румяных щек. – Мы с товарищами заспорили, чей скакун имеет самую чистую статью.

– И мы просим быть вас нашим судьей, – поддержал третий, коренастый обладатель высоких, выше колена, сапог.

От Эгина не укрылось при этом, что четвертый всадник как бы невзначай остановился как раз за его спиной на расстоянии в четыре-пять шагов.

Как-то само собой получилось, что Эгин теперь находит-

ся в центре ромба из четырех купеческих сынков, которые вроде бы совсем непринужденно и даже нечаянно, но тем не менее тесно обступили его. Чистые разбойники, изготовившиеся взять одинокого путника в оборот!

Не торопясь отвечать на предложение, Эгин еще раз смерил всадников испытующим взглядом. Вроде бы оставалось только гнать свои подозрения прочь. «Что за чушь? Да на каждом из них надето драгоценностей на большую сумму, чем та, на которую в состоянии раскошелиться средний „одинокый путник“ вроде меня. Зачем разбойникам одеваться так шикарно? Да и манеры у них вполне миролюбивые».

– Для нас очень важно иметь судью с хорошим глазом. Ведь мы поставили на кон большие деньги. А вы, как видно по вашему жеребцу, знаете толк в лошадях! – сказал четвертый – молодой брюнет, в широком атласном плаще, расшитом золотой нитью.

От Эгина, который довольно глупо кивал, пока всадники излагали ему суть дела, не укрылся момент, когда девушка завела правую руку за спину, причем сделала это совершенно естественно. «Что у нее там, интересно? Неужели метальный кинжал?» – спросил себя Эгин, втуне иронизируя над собственной подозрительностью.

Не снимая правой ладони с рукояти меча, Эгин легонько дважды шлепнул жеребца по шее и перенес тяжесть тела на заднюю седельную луку. Жеребец послушно и быстро попятился, и через несколько мгновений он уже вышел из об-

кладки, в которую вольно или невольно взяли его спорщики. Всадники проследили за его маневром с некоторым, как показалось Эгину, недоумением.

– Что скажете, господин? – спросил наконец обладатель внушительных золотых браслетов, снова приближаясь к Эгину.

А «господин» все никак не мог решить, что с ним – приступ мании преследования, которую старательно пестовали в нем все, от начальства до коллег, в бытность его офицером Свода? Или все-таки в купеческих сынках и дочурках действительно есть нечто странное? Впрочем, за те полтора коротких колокола, что они провели вместе, решить ничего наверняка было нельзя. «Да и зачем что-то решать?» – заключил Эгин и сказал с официальной доброжелательностью:

– К сожалению, я совсем не разбираюсь в лошадях. Мой собственный скакун был мне подарен вчерашним вечером.

То, что он лжет насчет своего невежества, было совершенно очевидно. И Эгин понимал это. Одно то, как быстро он покинул каре, вынудив жеребца, к которому даже не успел толком привыкнуть, дать «задний ход» без всякой паники, говорило о том, что в седле он не новичок. На самом деле Эгин всего лишь говорил: «Катитесь вы к Хуммеру в пасть со своим спором». Но делал это очень и очень вежливо.

К превеликому удивлению Эгина, всадники поняли его слова правильно и возражать не стали. Прощедив «извините», они пришпорили своих скакунов и на рысях двинулись

к развилке.

Еще некоторое время Эгин внимательно смотрел им вслед. Из березовой рощи тем временем выползал купеческий обоз с внушительным сопровождением из двух десятков вояк.

Щеголи поравнялись с высокими угловатыми фурами. Один из всадников – обладатель клиновидной бородки – невзначай обрызгал серым, жидким дорожным снегом проводника обоза. Тот немедленно разразился руганью, уличая «городскую бестолочь» во всех мыслимых пороках.

Когда купеческий обоз прополз мимо, а всадники скрылись из виду впереди, дорога опустела и Эгин наконец решился достать лотос из сумы на груди.

Он прочел заклинание, которому научила его Итская Дева.

Кстати говоря, сама Итская Дева «отпирала» Белый Цветок безо всяких заклинаний. Но Эгин, как ни старался, повторить этот фокус не смог.

«Отпирание» цветка требовало большой концентрации. Почти такой же большой, как вход в Раздавленное Время. Но поскольку на такую концентрацию у Эгина в последние дни не было вдохновения, после «распечатывания» стихий Города и Озера он говорил с гнорром лишь однажды. Да и то на общие темы.

Эгин не торопился открывать лотос еще и потому, что был уверен: после всех треволнений он заслужил небольшой отдых от тяжких дум. Эгин уже успел усвоить, что Лагха и тяжкие думы – это как гром и молнии. Редко когда обходятся один без других.

– Я уж думал, Эгин, вы про меня забыли, – проворчал Лагха, крохотный, прозрачный, но узнаваемый. – Да уж, пожалуй, Сайла дала бы вам за такую игрушку, как этот лотос со мной внутри, семь мер серебра и титул Второго Кормчего в

придачу.

Эгин улыбнулся. «Интересно, должно быть, ему смотреть на меня. Каждый мой глаз для него – как лодка, рот – как пещера!»

– Не держите на меня зла, гнорр, – сказал Эгин. – Я был просто-таки обезглавлен усталостью.

– Я не злопамятен, – совершенно серьезно сказал гнорр-лилипут. – Вот только жаль, теперь вы не можете поприветствовать меня через целование перстня. Следование этикету как-то всегда организует, настраивает на деловой лад...

Эгин не выдержал и рассмеялся. Какой все-таки чудак этот гнорр! Они находятся в тысяче лиг от родной страны. Сам Лагха уже давно не человек, но уже перестал быть призраком. Прошлое исполнено приключений. Будущее туманно. Планы неопределенны. А гнорр разглагольствует о церемониале!

Крохотный, словно бы стеклянный гнорр тоже улыбнулся. Или Эгину только показалось, что улыбнулся.

– Так или иначе, нам пора обсудить наши дальнейшие действия. И притом побыстрее.

– Я лично не вижу в этом никакой срочности. До Пиннарина мы еще успеем обсудить все – от устройства Волшебного театра до наших кулинарных предпочтений...

– А я эту срочность вижу, – перебил Эгина Лагха. – Потому что в Пиннарине нам делать нечего.

– Как это – нечего? – опешил Эгин.

– Так это. Гнорр в виде стеклянной фигурки в цветочной чашечке едва ли сможет навести порядок в столице и вернуть себе свое тело.

– Что же вы предлагаете, милостивый гиазир?

– Я предлагаю на время забыть о Пиннарине. И вспомнить о Тардере. Мне нужно новое тело, – отчеканил Лагха.

– Надо полагать, в Тардере новыми телами для гнорров торгуют на рынке в рядах готового платья? – язвительно осведомился Эгин.

– Почти. Скажем так: Тардер – это то место, где живет единственный человек, о котором мне доподлинно известно, что он сталкивался с подобной проблемой.

– Над ним тоже совершили колдовство с последующим развоплощением?

– Ничего подобного. Его случай более простой. Но сходство есть.

– Хотелось бы знать подробности.

– Некогда госпоже Далирис тоже было нужно тело *сделанного человека*. И она изыскала способ достать его. Видите ли, Эгин, госпожа Далирис была, да, собственно, и остается женой харренского сотинальма. Когда Харренский Союз сыграл эту свадьбу, сотинальму Фердару было шестнадцать, ей стукнуло тридцать. Она была самой родовой вдовой Харренского Союза и молодому сотинальму ничего не оставалось, кроме как гордиться тысячелетним гербом своей вдовствующей невесты. В остальном Далирис была тем еще

подарком. Помимо прочего, на протяжении двенадцати лет этот брак оставался бездетным. Сотинальм Фердар был изрядным гулякой и умудрился прижить что-то около десятка внебрачных отпрысков от придворных дамочек, не говоря уже о многочисленных выблядках от безродных девиц. А его законная жена не была способна произвести на свет даже мышь! Конечно, госпожу Далирис это печалило: передать сокровища, гербы и древние привилегии рода сыну какой-то гулящей?! Такая перспектива ее не на шутку бесила. Придворные медики только разводили руками. Мол, делаем что можем. И вот, когда ей стукнуло сорок пять, она решилась и сделала глиняного ребенка, глиняного наследника...

– Она сделала глиняного ребенка? Сама?

– Вряд ли сама, уж очень это необычное дело. Я даже представления о том, как это делается, не имею. Но подозреваю, что магическая сила создателя глиняных людей должна быть колоссальной. Древняя история свидетельствует о том, что потребовались совокупные усилия Звезднорожденных Элиена и Шета, а также помощь магов Герфегеста Конгетлара и Харманы Гамелин, чтобы сделать всего одного такого глиняного человека в качестве своеобразного живого узилища для души Октанга Урайна. Однако насчет магической силы госпожи Далирис нам ничего не известно. Может, она смогла обойтись и без посторонней помощи. Офицер Иноземной Разведки, который вел эту разработку, был внедрен в ближайшее окружение госпожи Далирис. Не успев выяснить

всех обстоятельств дела, он скончался от холеры – скончался сам, безо всяких наемных убийц, что забавно. Важно то, что ни мой предшественник Карувв, с которым напрямую сносился тот офицер, ни я в итоге не получили по этому делу полных и достоверных сведений.

– Не проще ли было взять любого младенца и назвать его наследником сотинальма? – спросил Эгин в задумчивости.

– Нет, не проще. Даже если бы Далирис тайком купила одного из бастардов, он бы не был похож на мать. А так наследник получился улучшенной копией Далирис, при этом не оставляющей сомнений в отцовстве Фердара.

– И как отнесся сотинальм к тому, что его наследником, пусть даже очень на него похожим, стал глиняный человек? Тут уж настал через гнорра смеяться.

– Вы полагаете, – сказал Лагха, переводя дыхание, – госпожа Далирис сообщила ему, что младенец, которого она якобы родила в завершение так называемой беременности, не совсем настоящий?

– Конечно, это было бы глупо, – смутился Эгин. – Но я полагаю, что если уж об этом стало известно Своду, то сотинальму об этом, должно быть, и подавно известно!

– Вы сильно недооцениваете Свод, – крохотное лицо Лагхи просияло. – Лишь я и госпожа Далирис до сегодняшнего дня знали о том, что наследник «ненастоящий». Далирис уничтожила всех, кто имел к этому отношение в ближайшие же дни после «родов». Теперь об этом знаете еще и вы. Я ни-

когда не пускал эти сведения в ход. Хотя варианты шантажа рисовались, и притом весьма соблазнительные. Жена сотинальма может очень многое. А второго такого инструмента давления на Харренский Союз я просто еще не изобрел. Но, выходит, этот бесценный, тончайший инструмент придется пустить на то, чтобы всего лишь устроить для меня новое тело!

– Но послушайте, Лагха, разве трудно отличить «глиняного» человека от обычного? Насколько я знаю, сейчас сотинальму Фердару примерно пятьдесят лет. Если он женился на Далирис, когда ему было шестнадцать, а через пятнадцать лет его жена «изобрела» наследника, значит, сейчас этому наследнику должно быть что-то около двадцати! Неужели никто за эти двадцать лет ничего не заподозрил? – с крайним сомнением спросил Эгин.

В какой-то момент ему даже начало казаться, что Лагха старательно разыгрывает его, бессовестно пользуясь его доверием и своим авторитетом.

– Никто ничего не заподозрил, – кивнул Лагха.

– Но это же не-воз-мож-но! Должны же оставаться какие-то... какие-то признаки магического искажения материи! Ведь об этом Свод создал целую науку! – возмутился Эгин.

– Признаки-то есть. Но если вы не знаете, что именно искать, вы никогда этих признаков не найдете. Глиняный человек будет казаться вам настоящим. А в «науках» Свода нет

даже такого раздела. Свод в этом отношении наивнее девственницы.

– Мне тяжело в это поверить! – в запале воскликнул Эгин.

– В таком случае, Эгин, ответьте мне на вопрос: не замечали ли вы каких-либо странностей за госпожой Елей, дочерью харренского сотинальма? Вы ведь, насколько мне известно, узнали ее довольно близко? – с лукавой улыбкой поинтересовался Лагха.

Стоя среди лепестков лотоса, крошечный гнорр в открытую торжествовал, уперев кулаки в бока.

В самом деле, для торжества были причины. После того как с губ гнорра слетело имя госпожи Ели, Эгин в буквальном смысле потерял дар речи.

Вспоминая свою единственную встречу с дочерью харренского сотинальма в Девичьем Замке, вспоминая в конце концов любовную схватку, которой эта встреча окончилась, Эгину ничего не оставалось, как признать свою полную беспомощность... свое невежество... и, в конце концов, тот факт, что магическим искусствам буквально нет пределов!

«А я-то в своем невежестве полагал, что магия – это приворотные перстни и заговоренные нагрудники, ну, может, очень действенные перстни и очень крепкие нагрудники! Да еще в лучшем случае – умертвия-убийцы», – пронеслось в голове у Эгина. Он ошарашенно уставился на Лагху.

– То есть... вы хотите сказать, что Еля, госпожа Еля и есть тот самый, то есть та самая глиняная девушка?

– А вы думали, Эгин, что глиняных людей обжигают в печи и красят минеральными красками? Что волосы у них – из пакли, а ногти – из полированной слюды? – ехидничал гнорр.

Эгин оглушенно замотал головой.

– Из этих рассуждений следует один очень важный вывод, – подытожил Лагха деловым тоном. – Мы едем в Тардер, неподалеку от которого расположена зимняя резиденция госпожи Далирис. Придя туда, мы постараемся сделать все, чтобы старая ведьма помогла мне раздобыть такое же красивое и здоровое тело, каким обладает ее дочь.

– А это значит, что на ближайшей развилке нам придется избрать Поперечный тракт, – тихо сказал Эгин.

Марнильм оказался куда более многолюдным, чем Итинильм – дорога Суээдета-Ит.

То и дело навстречу попадались деловитые купеческие караваны, ленивые крестьянские подводы, пешие путники.

Несколько раз Эгина обгоняли гонцы харренской почтовой службы.

Однажды ему даже показалось, что он видит вдалеке тех самых щеголей, просивших его быть судьей. Но неожиданный полотняный борт фуры закрыл Эгину обзор и он не успел присмотреться как следует. А спустя пару мгновений дальние дали были уже безупречно пустынными.

В Туимиг Эгин въехал уже в сумерках.

Городок, по рассказам Миласа, был славен тремя вещами: своей древностью, сладостями и соседством с медными копиями, к которым в качестве поставщика дешевых рабочих рук была пристроена огромная каторжная тюрьма. От древности в Туимиге осталось множество вычурных строений из тесаного темно-серого камня, а также знаменитая крепость, где, по слухам, кишмя кишели духи-прорицатели.

Туимигские же сладости были такими сладкими, что ходили шутки, будто у непривычных к тутошним медовым кренделям чужеземцев нередко склеиваются челюсти, да так, что лишь цирюльникам под силу разделить их снова. Со

сладостями Эгин riskовать не решился. А вот с архитектурой ему пришлось этой ночью столкнуться вплотную.

«Комнаты сдаются. Дешевый ночлег», – гласила начертанная углем надпись на выбеленной стене трехэтажного дома, стоящего неприкаянной громадой у въезда в город. Надпись была подсвечена факелом, оглашающим воздух предсмертным шипением. В остальном дом был темен и казался необитаемым.

Эгин поднял глаза. Фасад дома с обеих сторон венчали башенки. Полуразрушенные, с острыми жестяными крышами и, главное, совершенно непонятного предназначения. Особенно странно было то, что башенки смотрели на поросший быльем плоский пустырь, оканчивающийся леском.

Непонятно зачем приделанный вкривь и вкось балкон третьего этажа поддерживали два существа, имевшие мужские тела и головы, очень отдаленно напоминающие тигрины.

«Интересно, видел ли кто в Туимиге живого тигра?» – спросил себя Эгин.

Он уже думал было двинуться дальше, как почувствовал вмиг навалившуюся на него усталость. Ему вдруг показалось, что он не в силах больше вы сидеть в седле и минуты. И он принял решение воспользоваться приглашением на «дешевый ночлег».

Он стучал в дверь так долго, что почти раскаялся в своем решении.

Когда полуглухой хозяин наконец понял, чего хочет от него чужестранец, радости его не было границ. Чувствовалось, что такие оригиналы, как Эгин, случаются в этом странном доме нечасто.

Слушая мутные рассказы хозяина, Эгин проглотил холодный ужин из бобов с мясом. И вежливо, но непреклонно отказавшись от сладкого, двинулся на второй этаж, где престарелая хозяйка приготовила для него постель.

Одного сребреника хватило на то, чтобы довести супружескую чету до экстаза.

«Вы просто спаситель наш! Просто само провидение вас послало!» – радостно шелестела хозяйка, полная морщинистая женщина, больше всего похожая на столетнюю прямоходячую черепаху.

«А ведь в Ите на эти деньги разве что пива с рыбными сухариками выпьешь», – удивился Эгин, успевший отвыкнуть от харренских цен, и поплелся наверх. Вкушать дешевый ночлег.

Пол в его комнате ощутимо проседал под подошвами сапог, натужно скрипел при каждом шаге и казался насквозь гнилым.

В воздухе пахло сыростью и древесной трухой. Эгин провел рукой по постели – белье было влажным. Спать, значит, придется одетым. Под кроватью стоял ночной горшок без ручки. «Вот она, старинная простота!»

Он скинул куртку и сапоги, справил в горшок малую нуж-

ду и без сил повалился на спину, положив сумку с лотосом на подушку возле своей головы.

Прямо над ним на низком потолке темнел контур широкого дощатого люка, наподобие чердачного. «Зачем? Ведь наверху еще один этаж?»

Лишенный сновидений сон Эгина был глубоким и ровным. Таким глубоким и таким ровным, что ни тревожное лошадиное ржание под окном, ни глухой собачий ропот, ни скрип половиц в коридоре, ни даже сдержанная возня с щеколдой на двери в комнату его не разбудили.

Эгин проснулся лишь тогда, когда почувствовал пронзительную, нечеловеческую боль – в его горло под самым кадыком врезался шелковый шнур, а две сильных мужских руки, хозяин которых находился у изголовья Эгиновой кровати, что было сил прижали шнур к жесткому матрасу.

Издав сдавленный вскрик, Эгин открыл, или, скорее, порачьи выпучил глаза. В отблесках лунного света он увидел прямо над собой лицо в шелковой маске.

Человек смотрел на него, не мигая, своими черными, глубоко посаженными глазами и не говорил ни слова.

В этих глазах Эгин не заметил ни ненависти, ни упоения смертельной игрой, ни заинтересованности. Словом, это были глаза наемного убийцы – такие же равнодушные глаза у бойцовых петухов.

«Это не грабитель, – мгновенно пронеслось в голове у Эгина. – Неужели проклятые жемчужники добрались-таки

до меня?»

Но времени на размышления у него не было. Горло отсы- валось мучительной болью, дышать было почти невозможно.

Умереть в Туимиге – что может быть более жалким? Эгин издавал малоэстетичные хрипы и плевал слюной в лицо ноч- ному гостю, пока его левая рука, как бы в предсмертных кор- чках упавшая с кровати, нашаривала на полу жестяной ноч- ной горшок без ручки.

Мгновение спустя, не без труда ухватив горшок за тонкий обод, Эгин резко, но аккуратно рванул его вверх и, описав рукой с горшком полукруг, перевернул его на голову души- телю.

Жесть горшка была тонкой и особого вреда причинить убийце не могла, разве что оцарапала ему темя. Моча тоже оставалась мочой – отнюдь не *измененным* маслом, способ- ным прожигать дерево и обугливать плоть.

И тем не менее ловкость Эгина принесла результаты. Убийца отпрянул, затряс головой, начал отплевываться и сквернословить по-харренски, в общем, ослабил хватку.

Ослабил не полностью, а всего лишь чуть-чуть. Но и это- го «чуть-чуть» Эгину хватило на то, чтобы набрать в легкие воздуха, сгруппироваться и перейти ко второму этапу осво- бождения.

Ловко сбросив с ног влажное и холодное одеяло при по- мощи другой свободной руки, Эгин задрал ноги вверх, к по- толку; слегка качнул ими назад и, призвав на помощь всю

свою гибкость, бросил ноги к голове, в сторону душителя.

Носки босых ног Эгина зашли под мышки убийце, в то время как его пальцы сомкнулись на боковых брусьях кровати. Мощный рывок! Человек в черной маске оторвался от земли и, однократно перекувырнувшись в воздухе, рухнул на трухлявый пол. Поеденные древоточцем доски катастрофически затрещали, словно борта судна, налетевшего на риф.

Эгин вскочил на ноги. Его лицо пылало, рот судорожно хватал воздух. Он окинул комнату ищущим взглядом: теперь ему требовалось оружие, ведь успех требовалось закрепить. «Облачного» клинка не было на подставке, куда перед сном водрузил его Эгин!

«Не иначе этот сукин сын постарался!»

Тем временем убийца начал приходить в себя после неожиданного падения. Он пробовал встать на ноги, опираясь на локоть.

«Раз на подставке нет меча – получай хотя бы подставку!» – решил Эгин. И не без труда оторвав от пола антикварную вещь из тяжелой древесины, на которой, пожалуй, с комфортом разместился бы не только «облачный» клинок, но и харенский двуручник, Эгин опустил ее на голову человеку в маске.

Человек взвыл от боли – судя по всему, удар Эгина пришелся ему ровно по голове. Вместе с его воплем воздух был взрезан оглушительным хрустом; комнату наполнил запах застарелой гнили.

«На этот раз пол едва ли выдержит», – предположил Эгин. Его прогнозу суждено было сбыться.

Он с изумлением наблюдал за тем, как его противник вместе с подставкой для мечей ринет вниз, проваливаясь сквозь стремительно ширящуюся дыру в досках. Вниз, на первый этаж.

В гостиную? Спустя секунду снизу донесся раскатистый мебельный грохот. По-видимому, убийца угодил аккурат на обеденный стол.

Вслед за тем раздался оглушительный, истошный женский визг.

«Неужели на такое сопрано способна престарелая хозяйка, что вечером называла меня „спасителем“ и „сынком?“ – с сомнением спросил себя Эгин. Нет, приходилось признать, что кричит скорее дочь хозяев, которая предпочла мирный сон приему постояльца. Или служанка. Впрочем, в том, что в этом доме не держат слуг, Эгин почти не сомневался.

Растирая вздувшуюся ярко-алую полосу на горле, он пошел к пролому.

Доски и перекрытия и впрямь были гнилыми, источенными жуками и червями, влажными от слизи, которая празднично поблескивала в лунном свете.

Эгин сел на корточки и приник к дыре – там, внизу, металась простоволосая незнакомая девушка в ночной рубашке. В руках у нее была тусклая масляная лампа. Девушка в голос ревела, призывая родителей и духов-защитников.

А на каменном полу гостиной, на крышке сложившегося под тяжестью его тела стола, лицом вниз лежал человек в черной маске. Из-под маски полз ручей темной густой крови.

Эгин не мог сказать наверняка – жив человек или мертв. В любом случае интуиция подсказывала ему, что торжествовать победу еще рано.

Во дворе заржала лошадь и ржание это показалось Эгину знакомым. «Каурый?!»

Эгин подошел к окну и распахнул ставни в промозглую ночь. Он не стал высовываться по пояс, памятуя об осторожности. И правильно сделал.

Две стрелы тотчас же вонзились в оконную раму на расстоянии в четыре пальца от его правого виска.

«Да что же это тут творится?!» – Эгин отпрянул от окна.

Половицы в коридоре предательски скрипнули. Эгин обернулся.

Проникнув в его комнату, ночной гость в маске закрыл дверь на щеколду, несказанно ему удружив. Но чье-то крепкое плечо уже начало пробовать дверь на прочность. «Значит, их как минимум трое. Один – временно вне игры. Второй стрелял из лука и сейчас находится во дворе. А третий – третий ломится в дверь!»

Из этого следовал один печальный вывод: оба пути бегства – коридор и окно – отрезаны. А значит, ему придется принять бой. Причем принять его с голыми руками.

Эгин уже приготовился к обороне, как вдруг его взгляд

скользнул по низенькому потолку с потеками на побелке и зацепился за деревянный люк, наподобие чердачного.

Люк он заметил еще вечером, засыпая. Это был тот самый люк, пустыми размышлениями о предназначении которого он занимал свой праздный разум перед тем, как погрузиться в усталую дрему. И о существовании которого он напроць успел позабыть в пылу ночной схватки!

Эгин вскочил на кровать и протянул руку к люку. К счастью, он оказался не заперт. Путь на третий этаж был свободен.

«По крайней мере это позволит мне выиграть время и разобраться с тем, кто же, Шилол их всех разнеси, затеял весь этот бардак!»

Эгин встал на тумбочку и откинул дощатую крышку люка. Он изготовился было уже подтянуться вверх, как вдруг его взгляд упал на кожаную сумку, ту самую, в которой лежал Белый Цветок.

Сумка по-прежнему лежала на подушке.

«Одно можно сказать со всей уверенностью: эта братия не имеет никакого отношения к гнорру-лилипуту. Что, впрочем, не означает, что я вправе оставить его здесь!»

Эгин бросил тревожный взгляд на дверь.

Она, оказавшись гораздо прочнее пола, все еще не поддавалась. Хотя сотрясалась она теперь так, будто в нее колотили карманным тараном.

Эгин схватил сумку, повесил ее на шею и, уцепившись за

край люка, подтянулся вверх.

Он очутился в жилой комнате третьего этажа. В целом она была копией той, где ему пришлось ночевать. С одним приятным исключением: комната имела балкон, с которого, как помнил Эгин, можно попасть на крышу.

Не тратя времени на то, чтобы отдышаться, он рывком распахнул ставни и выпрыгнул на балкон.

Его нехитрый расчет сводился к одному: нужно действовать настолько стремительно, насколько возможно. Эгин чувствовал: на то, чтобы войти в Раздавленное Время, ему сейчас попросту не хватит сил.

Лучник – тот самый, что несколькими минутами раньше выпустил в него две стрелы из холодной темноты двора, сориентировался не сразу. Эгин был уже на крыше, когда еще три коротких стрелы, цокнув наконечниками о серый греоверд, отскочили от тигрообразных морд поддерживающих балкон мужчин. «Промазал!» – с удовлетворением резюмировал Эгин, прячась за трубу дымохода.

Прогрохотав по черепичному скату в направлении, противоположном тому, откуда стреляли, Эгин оказался у края крыши.

Его взору открылся пустырь (который впоследствии при ближайшем рассмотрении оказался огородом – пугала, подпорки для тыкв и фасоли). За пустырем-огородом виднелся перелесок, а за перелеском – старая Туимигская крепость. Заброшенная и жутко историческая.

Первого же взгляда на нее Эгину хватило на то, чтобы понять: бежать нужно туда.

Он глянул вниз – под стеной дома раскорячилась поломанная телега с каким-то хламом – одно колесо лежало рядом, второе криво оттопыривалось. Неряшливой шеренгой стояли бочки для квашения овощей. Поодаль красовался сваленный кучами навоз из конюшни, заботливо заготавливаемый хозяевами для удобрения надела... словом, вся та «сельская простота», которой еще вечером умилялся Эгин.

Он вздохнул полной грудью и, примерившись к самой большой куче, прыгнул.

Лишь приземлившись в прохладную и почти лишенную запаха кучу, Эгин обнаружил, что совершенно бос. Сапоги его так и остались стоять возле кровати – рядом с поклажей. Впрочем, на его планах это никак не сказалось.

«Придется закаляться», – процедил Эгин и, споро соскочив с удобрений, понесся через пустырь с той быстротой, на которую только был способен.

Через четыре коротких варанских колокола, до крови исколов подошвы своих ног о сухой бурьян, которым был богат пустырь, Эгин наконец достиг перелеска.

В двухстах шагах от него луна серебрила влажную кладку старой Туимигской крепости.

Вопреки замогильным историям, которыми чествовали эту достопримечательность местные болтуны, от нее веяло чем-то величественным и успокоительным. Поддавшись это-

му настроению, Эгин решил, что самое время сделать передышку.

Он осторожно подполз к опушке и сосредоточил все свое внимание на странном доме с двумя башенками.

С отдаления дом выглядел совершенно обычным. Никто не кричал, не визжал и не звонил в пожарный колокол. Никто не бродил вокруг с факелами в поисках беглеца или его следов. Не слышно было ни ржания, ни цокота копыт. Дом словно затаился. Даже собаки и те не лаяли! Казалось, нападавшим удавалось каким-то чудом стать невидимками.

«Не слишком ли это круто для итских жемчужников?» — именно такой вопрос не давал покоя Эгину.

Уж больно эта тишина напоминала о каллиграфически правильных параграфах инструкций по нападению в населенных пунктах, коими кормили своих подчиненных наставники в школах Свода. «Свод? Не может быть! Откуда?!»

Прячась в тени деревьев и стен, он пробрался внутрь разрушенной крепости.

Отыскав самый уютный лаз, Эгин устроился на куче сухих листьев. О костре нечего было и думать. По его подсчетам, до рассвета оставалось что-то около двух часов. Правда, здесь, на Севере, светает довольно поздно. Здесь встают и отправляются по своим делам еще затемно. Значит, до того момента, когда на дороге и в окрестностях дома с башенками появится первый прохожий люд, ждать не два часа. Но все равно по меньшей мере полтора часа ему придется провести

в стылой темноте подземелья!

Эгин сидел, прислонившись к стене и обхватив колени руками.

Его подбородок лежал на коленях. Глаза его были полузакрыты, а ум занят поддержанием правильного ритма дыхания – все эти ухищрения были направлены на то, чтобы сохранить драгоценное тепло.

Вокруг было тихо. Сумка с лотосом лежала на расстоянии вытянутой руки.

Сидеть вот так и дышать было скучно и даже тоскливо.

Вдруг в голову Эгина пришла шальная мысль – почему бы не развлечь себя коротким разговором с Лагхой? Самым что ни на есть коротким! Может быть, он даст ему дельный совет? Идея насчет совета была очевидно глупой. Но Эгину было неловко признаться себе в том, что на самом деле все, что ему сейчас нужно, – это две-три ободрительные шутки.

– Снова ввязались в историю, любезный Эгин! – беспечно расхохотался гнорр, когда Эгин, то и дело вслушиваясь в тишину, окончил повествование о событиях этой ночи. – Вы правы, все это весьма похоже на проделки наших с вами бывших коллег. Ясно же, что ночные гости намеревались взять вас живьем.

– Из чего, интересно, это явствует? – шепотом спросил Эгин, которому очень не нравилось быть дичью, что собираются изловить живьем для княжеского зверинца.

– Это следует из того, что никто из троих, даже если пред-

положить, что их было трое, не стал стрелять вам в спину. А также из того, что гости в масках предпочли лишить вас сознания шелковым шнуром вместо того, чтобы просто отрубить вам голову одним ударом меча. Да и вообще, для того чтобы убить вас, не нужно было дожидаться ночи. Можно было выпустить стрелу из ближайшей рощи...

– И все-таки кто это?

– Думаю, это – проделки нового загадочного гнорра Свода. Если мое предположение верно, значит, люди, которые за вами охотятся, не кто иной, как офицеры Харренского отряда нашей Иноземной Разведки. А именно либо плеяда «Вечерняя дымка», на их жаргоне – «дымки», либо «Змей-Колесо». И «дымки», и «колеса» – люди для специальных поручений. Это они любят – всякие шелковые маски, шнурки, переодевания. Сначала в Своде вычислили ваш След. Потом дождались вашего возвращения из Ита. А теперь имеем то, что имеем. Впрочем... это только моя версия. Ни о чем нельзя судить наверняка, пребывая внутри лотоса.

– Я никогда не сталкивался с Иноземной Разведкой. Как им следует противостоять?

– Думаю, что в вашем положении противостоять им не получится. Уверен, их в Туимиге больше, чем трое. Уверен также, у них есть с собой по меньшей мере одно животное-семь. Иначе как бы они так скоро вышли на вас? Вам, а вместе с вами и мне, остается только ждать дальнейших событий. Думаю, сопротивляться бесполезно. По крайней ме-

ре пока.

– То есть мне, как кролику, попавшему в силки, надеяться не на что? Нужно сложить оружие и приготовиться к худшему? Сдаться без сопротивления?

– Сопротивление? Приберегите силы для более подходящего случая. В этот раз за вас взялись серьезные люди.

– Что же делать?

– Ничего не делать, Эгин. Ничего.

Они оба смолкли. Вместо утешения Эгин получил нечто обратное. На выходе из лаза плотоядно завывал ветер. Где-то совсем близко залаяла собака.

– А впрочем, – вдруг воспрянул Лагха, – у вас есть один шанс. Совсем небольшой, но есть.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что все-таки еще совсем недавно гнорром был я. И я знаю Слова Неприкосновенности.

– Вы имеете в виду пароль личных порученцев гнорра? – вспомнил Эгин.

– Именно так. Если они вас схватят, а они вас обязательно схватят, вы можете попробовать назвать этот пароль. Но помните, что это вопрос чистого везения, никаких гарантий нет. Во-первых, потому что новый гнорр скорее всего сменил Слова Неприкосновенности. Таким образом, ваши Слова сгодятся только в том случае, если по каким-то причинам у гнорра-самозванца до таких мелочей еще не дошли руки. А во-вторых, важно, чтобы этих головорезов на поиски быв-

шего аррума Эгина отрядил не лично гнорр, а кто-либо другой. Пар-арценц Йор, например. Поскольку, если гнорр лично пропечатал распоряжение о вашей поимке, а не, к примеру, какой-то аррум Опоры Единства, то ваш пароль можно считать недействительным. Такой уж он – этот гнорр. Сам дает Слова Неприкосновенности, сам их и отбирает, – ухмыльнулся Лагха.

– Тогда назовите мне эти Слова! – потребовал Эгин.

– Да пожалуйста, – пожал плечами Лагха. – Восемь веков харренской поэзии.

– Что вы сказали?

– Восемь веков харренской поэзии, – повторил Лагха.

– Это и есть Слова Неприкосновенности? – недоверчиво скривился Эгин.

– Они самые. А вы хотели что-нибудь вроде «Смерть врагам Князя и Истины?»

Эгин кисло улыбнулся. По крайней мере он получил шанс на шанс.

Когда совсем рассвело, Эгин решил покинуть свое убежище.

Солнца не было. По хмурому небу бежали быстрые облака. Ветер запускать свои колющие щупальца под рубаху и в штаны, напоминая о том, что до настоящей, ласковой весны еще ой как далеко.

Эгин осмотрелся. Туимигская крепость при свете дня показалась ему еще более величественной. И еще более заброшенной.

Он взобрался на ближайшую стену и посмотрел в сторону дома с башенками. Дом, однако, не исчез подобно обителю колдуна из сказки, а продолжал стоять, недоброжелательно глядя на Эгина сквозь темные бельма окон.

Эгин еще раз попробовал войти в Раздавленное Время. И снова – впустую. Следовало признать, что общение с Белым Цветком и магия Раздавленного Времени – вещи почти несовместимые.

«В моем положении ждать больше нельзя – можно замерзнуть насмерть», – решил Эгин и начал спускаться по щебенистому склону. Ноги настолько обледенели и огрубели за эту ночь, что почти не чувствовали ни боли, ни даже дискомфорта.

Он спустился в перелесок и снова осмотрелся. Никого и

ничего. Только аккуратно сложены в поленницы свеженарубленные дрова.

«Но без оружия все равно как-то тоскливо», – подумал он и подобрал длинную крепкую жердь, позабытую лесорубами рядом с поленницами.

«Придется вспоминать приемы боя с шестом». – Эгин усмехнулся.

А усмехнуться было отчего. Глядя на свое новообращенное оружие, он не мог не понимать, что его «шест» сломается при первом же серьезном ударе. А может, не при первом, но тогда уж точно при втором.

Эгин уже почти дошел до опушки, за которой начинался пустырь-огород, как его слух уловил странный звук – будто кто-то тер две ветки друг о друга с целью высечь огонь.

Эгин замер, но не обернулся. Хотя не было никаких предпосылок в пользу того, чтобы считать этот звук свидетельством в пользу близости людей, некое безмолвное знание в глубине Эгиновой души говорило ему: на сей раз охотники его настигли.

Он перекинул сумку с лотосом с груди на спину. Взял в руки шест. И сделал несколько коротких ритмичных вдохов.

Убегать бесполезно – ведь у преследователей есть луки. Но сдаваться без боя, пусть даже заведомо проигранного боя, Эгин не собирался.

Словно бы самоисторгнувшись из стволов ближайших тополей, на поляну выступили двое мужчин и одна женщина.

На этот раз на них не было масок – теперь прятаться было не от кого, не было никаких «посторонних», от которых следовало бы скрывать лицо. Эгин не был посторонним – он был «посюсторонним», дичью для зверинца.

Он узнал их сразу. Это была та самая троица, что просила его рассудить их спор вчера днем на дороге. Гиазир с клиновидной бородкой и усиками. Высокая, коротко стриженная девушка и коренастый мужчина лет тридцати.

Не требовалось большой сообразительности, чтобы догадаться: четвертый «молодой повеса» и был тем самым душеителем, окончившим свою миссию на столе в гостиной.

На сей раз все трое не стали прибегать к маскараду. Вместо вчерашнего златотканого бархата на них были кожаные штаны, кожаные рубахи со стоячими воротниками и высокие сапоги.

Эгин сжал в руках свой непредставительный шест и принял боевую стойку.

В руках у одного из охотников был меч. На поясе у девушки – аркан. А коренастый был вообще не вооружен, если не считать короткого кинжала в поясных ножнах. Но над его макушкой виднелась верхняя дуга двояковыгнутого лука. «Тот самый, из которого вчера так настойчиво мазали по окнам», – отметил Эгин. Судя по тому, что коренастый выступил вперед первым, он и был главарем отряда.

– Я рекомендую вам сдаться и проследовать с нами, – сказал коренастый на харренском. – Так хочет новый гнорр.

«Значит, шанс на шанс отменяется... Впрочем, Лагха ведь предупреждал!» – подумал Эгин.

– Сдаться? Об этом не может быть и речи, – ответил он, выдержав нарочито долгую паузу.

В быстром выпаде Эгин преодолел те несколько шагов, что отделяли его от обладателя клиновидной бородки, вооруженного мечом, и, присев на корточки, всадил шест тому в подвздошье.

Эгин был столь стремителен, что его жертва не успела принять защитную стойку и, трагически охнув, повалилась на спину.

Эгин еще раз, для доходчивости, наподдал противнику в солнечное сплетение, что заставило мужчину с бородкой взвыть от боли, выронить меч и распластать руки по земле.

Еще один удар пришелся в центр грудной кости. Эгин знал, что после таких ударов даже очень сильный человек будет способен сражаться снова не менее, чем через два часа. «Одним меньше», – подумал он.

Спустя несколько секунд Эгин уже катился по земле в сторону главаря отряда.

Тот все-таки успел среагировать и даже предпринял попытку отвести удар. Тем не менее Эгину удалось достать шестом его колени, сбить с ног и, отбросив сломавшийся шест, сцепиться с ним в рукопашной.

Коренастый оказался силен, хотя и не слишком подкован в борцовских искусствах. На этом и строился расчет Эгина,

который знал: Иноземная Разведка, как никто в Своде, привыкла полагаться на холодное оружие.

Спустя минуту Эгину уже удалось прижать главаря к земле. Тяжелый кулак Эгина врезался во вражескую челюсть, пока левая рука Эгина нащупывала точку за ухом противника, носящую название Колодец Сна.

В душу Эгина уже начали закрадываться надежды на свободу, как вдруг его шею вновь захлестнул мерзкий волосистой шнур. А два шипа впились в его кожу как раз в области слюнных желез.

Сомнений быть не могло – это девушка метнула свой аркан...

Эгин упал на спину и, что было особенно невыгодно, при падении умудрился удариться затылком о камень, торчащий из земли. Приходилось признать, что лесная поляна не столь удобна для рукопашной, как зал для упражнений, застеленный тростниковыми матами.

Искры снопами посыпались у него из глаз, а голова загудела, наливаясь дурной кровью.

Противник Эгина не замедлил воспользоваться положением, вскочил и сразу же вслед за тем сел ему на ноги. Эгин почувствовал холод кинжала у своей шейной артерии.

– Вам окончательно рекомендовано сдаться, – сказал коренастый.

Девушка ослабила арканную петлю и Эгин смог вдохнуть. Он смотрел на девушку и на коренастого и размышлял о

том, что эти самые люди могли бы оказаться его однокашниками по Четвертому Поместью. А заодно – друзьями.

«Как у Эригота: „За завтраком – друзья, за ужином – враждуем“, – подумал Эгин и почувствовал, как сознание покидает его тело, и неровен час очнется он уже в каком-нибудь мерзком подвале с колодками на шее и на руках, но... что-то внутри него требовательно и непреклонно восстало против подвала и колодок, он собрал все свои силы и с громким пьяным восторгом заорал на весь лес:

– Восемь веков харренской поэзии! Целых восемь веков харренской поэзии!

– Само провидение вас нам послало! Хоть пол теперь починим, – сказала Эгину полная, похожая на прямоходячую черепаху хозяйка, подводя к нему каурого. В левой руке она сжимала десять золотых монет – целое состояние по местным меркам.

Ее престарелый муж стоял рядом с Эгином и театрально, по-стариковски охал, потирая ушибленные бока, – показывал, видать, что десять золотых он заработал честно.

На правом глазу у хозяина светил огромный синяк – подарок от ночных гостей. Лицо было отечным и озабоченным.

Дочь хозяев провожать странного постояльца не вышла – видимо, впечатлений этой ночью она набралась надолго и теперь отсыпалась. Хозяйка между тем хвалилась, что их смелая Таша, оправившись от первого испуга, как следует избила разбойника, свалившегося с потолка да на стол, когда он попытался подняться и выйти во двор. «Она бы его и связала, но тут трое нечистых в окно вскочили и своего брата уволокли», – комментировала хозяйка.

Слова Неприкосновенности, хвала Шилолу, сработали. Назначение на розыск хотя и было, по бумагам, инициировано лично гнорром, но несло гриф «по устному приказу» и было подписано каким-то Тэном, рах-саванном Опоры Единства.

Таким образом, труженикам Иноземной Разведки ничего не оставалось, как принять версию о том, что Эгин – личный порученец гнорра, по ошибке попавший в центр какого-то расследования. Они даже извинились напоследок.

– Что же вы сразу не сказали Слова, милостивый гиазир? Мы ж на вас зла не держим! – для вящей искренности положив руку на сердце, заверил Эгина коренастый.

Теперь они беседовали на варанском.

– Разве вы представились, милостивые гиазиры? Разве называли себя и свои звания? Хорош бы я был, если б решил открыться разбойникам с большой дороги, на которых вы были похожи и повадкой, и манерами. Или перед какими-нибудь «жемчужниками».

– Что такое «жемчужники»? – наострила уши девушка.

Эгин уже успел запомнить, что в делах Озера и Города варанцы так же невежественны, как и он сам во времена оны. Просвещать Иноземную Разведку не входило в его планы, но он все-таки ответил:

– «Жемчужниками» зовутся в Ите наши с вами коллеги. Или те, на кого охотятся наши с вами коллеги. Я сам толком не разобрался.

И коренастый, и тип с клиновидной бородкой, который уже оправился от Эгинова натиска, и девушка понимающе закивали. Дескать, все ясно, как обычно: толком разобраться в местных нравах невозможно. Обширна и загадочна земля великохарренская.

– Надеюсь, вы не имеете к нам претензий? – спросил наконец коренастый.

Эгин не удержался и позволил себе рассмеяться. В самом деле – сначала эти молодцы его чуть не задушили. Потом по их милости он отсиживался в ледяных руинах, потом – дрался с ними, имея лишь один трухлявый шест, и в итоге оказался на земле с петлей на шее и с шишкой на затылке. А они еще спрашивают про какие-то претензии!

– Нет, никаких претензий к вам у меня нет, – ответил Эгин, отсмеявшись. – Служба есть служба.

Троица согласно кивнула – мол, действительно, какие тут могут быть претензии?

– Только вот хотел бы еще знать, где мой меч? – вспомнил вдруг Эгин.

– Меч вы найдете у входа в вашу комнату. В коридоре, – официальным тоном отвечала девушка.

С этими словами она и коренастый помогли подняться обладателю клиновидной бородки и, более не глядя на Эгина, двинулись в сторону крепости.

Потирая ушибленную макушку, Эгин тоже встал с земли, отмечая при этом, что подняться ему никто не помог. Так далеко любезность офицеров Иноземной Разведки не простиралась.

– Эй, постойте! – вдруг крикнул Эгин в спину уходящей троице.

Те обернулись.

– Почему все-таки вы не напали на меня вчера, прямо на дороге?

Офицеры переглянулись. На их лицах читалось выражение недоуменного презрения, как если бы Эгин спросил их, кто такой гнорр и чем он занимается. Однако коренастый все-таки снизошел до ответа:

– Захват объекта второй степени важности в присутствии свидетелей категорически запрещен. Уложение Внешней Разведки, раздел двенадцать, пункт два.

«Какие свидетели? Ах, ну да! Купеческий обоз, – сообразил Эгин. – А я, стало быть, не что иное, как „объект второй степени важности“.

Глава 4

Кролики для короля Лазури

*Наилучшей приманкой для него является свежая
человечина, но если под рукой ее не оказалось,
подойдет и крольчатина.*

Аноним. «На ловлю птицы»

1

Не доезжая двадцати лиг до Тардера, Эгин свернул на дорогу, устами Лагхи обещавшую привести его к вилле «Три тюльпана».

Это было единственное место, где можно было найти госпожу Далирис, жену харренского сотинальма.

В последние десять лет она жила затворницей в «Трех тюльпанах», ссылаясь на лета, и страстно предавалась разведению хищных птиц. Так по крайней мере говорил Лагха, а не доверять ему у Эгина не было оснований.

– Вы думаете, госпожа Далирис меня примет? – с сомнением спросил Эгин, в очередной раз раскрыв Белый Цветок.

– Нет, не думаю. Более того, я совершенно уверен в обратном. Она вас не примет. Она вообще никого не принимает, кроме дочери, уже знакомой вам госпожи Ели, которая

нечасто выбирается из своего манерного притона, чтобы навестить старуху. А также мужа, то есть сотинальма Фердара, который, к большому огорчению Далирис, погряз в интригах по самые уши и вдобавок завел себе юного фаворита Лая, с которым проводит все свое свободное время. Он успел пожаловать ему немало земель и имущества. Этим Лаем, кстати, сейчас усиленно занимается наше ведомство. Если, конечно, новый гнорр не прикрыл эту соблазнительную разработку. По моим прогнозам, года через три этот парнишка, если его, конечно, не отравят или не зарежут раньше, будет держать в своих руках множество важных ниточек. Впрочем, я отвлекся. Я лишь хотел сказать, что сотинальм Фердар тоже не понимает госпожу Далирис визитами. Она не встречается даже со своими сестрами и племянницами. И уж конечно, она не примет вас.

– А письмо? Если написать ей письмо? Подкупить челядь с тем, чтобы его передали ей? – предложил Эгин.

– Госпожа Далирис не читает писем. Это нам известно доподлинно. Она говорит, что слишком стара и с трудом разбирает чужие каракули. Но она, конечно, прибедняется. Старая ведьма переживет и сотинальма Фердара, который гораздо ее моложе.

– Ваши рассуждения, гнорр, завели меня в тупик. Если нет никакой возможности связаться с госпожой Далирис, зачем мы едем в «Три тюльпана»?

– Я не говорил вам, что не существует возможностей свя-

заться с Далирис. Я просто хотел сказать, что обычные способы нужно выбросить из головы сразу. И приготовиться к тому, что придется попотеть.

– Я уже приготовился, – вздохнул Эгин. – Снова мастерить какой-нибудь магический агрегат? Разыскивать пероптицы Юп и измененную воду? Спасать местную Итскую Деву?

– На этот раз мастерить ничего не надо. Достаточно будет купить прочную сеть из конского волоса с гирьками на концах. Такую сеть, чтобы стягивалась при помощи одной веревки в подобие мешка. Кроме этого, нам понадобится около десятка молодых, упитанных кроликов. Желательно также, чтобы кролики были черными, с белой звездочкой на лбу. Но можно и просто черных.

– Вы собираетесь заказать для меня жаркое?

– Нет, я собираюсь на охоту.

– На кого же мы будем охотиться? На волков? Сдается мне, что в этих лесах ничего, кроме серых, не водится.

– Нам не нужны леса. Нам нужны небеса. – Гнорр-лилипут сделал торжественный жест своей крошкой-рукой и добавил, понизив голос: – Мы будем ловить желтого онибрского грифа. Любимого грифа госпожи Далирис.

– Гм... Первый раз слышу про такую птицу, – признался Эгин.

– Когда офицер, ответственный за сбор информации о госпоже Далирис, сообщил мне о ней, я тоже подумал, что

меня вышучивают. Гриф, да еще и какой-то желтый... Говорят, его подарил госпоже Далирис князек одного дикого племени. В харренской столице даже пользуется популярностью история о том, что в этом диком племени воздают божеские почести мраморному рельефу, изображающему молодую Далирис. Как этот рельеф там очутился – история умалчивает. Но так или иначе, в Харрене рассказывают, что когда дикари узнали от купцов, которые скупают у них ароматную смолу и ценные шкурки, что их божество живет и здравствует в далекой северной стране, они передали Далирис этого грифа...

– Гм... трогательная история, – отозвался Эгин.

– Весьма. Я лично думаю, птица имеет более прозаическое происхождение. И все это – романтическое вранье от первого до последнего слова. Вранье, выдуманное Далирис со скуки. Не такие уж они дикие, эти так называемые дикари. Впрочем, важно одно: желтый гриф существует, и он очень дорог Далирис.

– Вы предлагаете поймать его и затем шантажировать су-пругу сотинальма при помощи ее любимца? – брезгливо поморщился Эгин. Этот план казался ему низким.

– Шантажировать не нужно. Мы просто привяжем к ноге грифа записку и отпустим его невредимым восвояси. Уверен, в этом случае Далирис наверняка прочтет наше послание. Кажется, мне есть чем ее заинтересовать. Впрочем, не знаю, сработает ли мой расчет. Я уже говорил вам: Далирис – странная женщина.

– План кажется мне ненадежным, – честно признался Эгин.

– Мне тоже. Но поверьте, Эгин, я не зря провожу в Белом Цветке сутки в одиночестве и тишине. Единственное, чем я могу здесь заниматься, – это думать. Думать, считать, сравнивать способы собственного спасения. И пока что ни одного более надежного пути связаться с Далирис я не изобрел.

– Значит, придется покупать сеть и кроликов, – вздохнул Эгин. – Не исключено, пока мы будем искать черных кроликов с белой звездочкой во лбу, и мне придет в голову что-то путное.

Но ничего путного в голову Эгину не пришло.

Кролики и сеть были куплены в ближайшей деревне. Не доезжая до «Трех тюльпанов», Эгин свернул в лес.

Они расположились на вершине песчаного холма, в сосновой роще. Лагха утверждал, что «Три тюльпана» совсем близко, чуть к северу. Но сколько ни всматривался Эгин, ни на севере, ни на северо-востоке ничего похожего на шикарное человеческое жилье не было.

– «Три тюльпана» находятся в седловине, точнее, даже во впадине между пологими холмами. Поэтому вилла видна только с вершин этих холмов, но они бдительно охраняются. Жена харренского сотинальма любит уединение.

– Может, подъедем ближе? Интересно все-таки знать, совпадают ли харренские представления о роскоши с варанскими? Хотя бы в общих чертах?

– Приближаться к вилле опасно – можно попасться на глаза конной охране. Вам будет трудно объяснить этим живодерам, зачем вы приделываете сеть на деревьях. В лучшем случае это будет стоить денег. В худшем – вам придется пустить в ход «облачный» клинок.

Эгин кивнул – спорить было не с чем. Кролики ожесточенно возились в мешке, притороченном к задней луке седла, и обреченно вякали, ожидая своей участи.

– По-моему, вон та поляна достаточно велика для того, чтобы Король Лазури смог заметить добычу и не побрезговал сесть, – сообщил Лагха.

– Король Лазури? – переспросил Эгин, удивленно взорвившись на гнорра.

– Забыл вам сказать, Эгин. Нашего грифа зовут Королем Лазури.

– По-моему, для птицы слишком помпезно.

– По-моему, тоже. Но у Далирис всё так: манерно и чрезмерно.

Поляна действительно была удобной. Ветви сосен были крепки, сами сосны – не слишком высоки. Словом, обвязать нижние ветви веревками, вырезать и приладить колки и приспособить сеть так, чтобы она упала на грифа, когда он сядет на умерщвленного кролика, можно было без особых трудов.

– Короля Лазури выпускают полетать по утрам – об этом мне известно из специальных донесений по «Трем тюльпанам». Это значит, что мы начнем завтра на рассвете. Все следует подготовить безупречно. Потому что если мы не сможем поймать Короля Лазури с первой попытки, значит, мы не поймаем его никогда. И тут уже никакие мои заклинания не помогут. Гриф – умная птица. Два раза ее не провести на одной и той же мякине.

– Да тут хоть бы один раз получилось, – вздохнул Эгин. – Да с чего вы в конце концов взяли, Лагха, что птица полетит именно в эту сторону?

– Король Лазури вылупился из яйца в Онибрских горах, что от «Трех тюльпанов» на юго-западе. Значит, и на прогулки Король Лазури будет летать в юго-западном направлении.

Такой уж нрав у грифов. Они всегда помнят о родине.

– Ну хорошо. Допустим. В грифах я не разбираюсь. Но даже из общих соображений понятно, что грифу будет трудно заметить кролика, лежащего на опушке леса.

– Об этом не беспокойтесь, – отмахнулся Лагха. – Он разглядит даже цвет глаз у кролика.

– А если он будет сыт? – не унимался Эгин.

– Ни один гриф, как бы он ни был сыт, не устоит перед черным кроликом с белой звездочкой во лбу, – заверил Эгина Лагха.

– Странная теория.

– Это не теория. Это самая что ни на есть практика.

– Разве Свод имеет отдельную разработку по ловле желтых грифов?

Лагха расхохотался.

– Нет. Свод не имеет. Но я знаю, как ловить грифов.

– Если не секрет, откуда?

– В моем положении неприлично иметь от вас секреты, – растянул свои призрачные губы в улыбке Лагха. – Вы знаете обо мне так много, что сколько я ни добавляй, положение к худшему не изменится. Так вот: когда я был маленьким мальчиком, меня звали Дайл. Я помогал старшим братьям охотиться на этих своевольных и опасных птиц.

– Но в Варане не водятся грифы!

– А я и не говорил, что дело было в Варане. Тогда я жил в Багряном Порту. До сих пор я могу говорить с южанами на

их родном языке, потому что это и мой родной язык тоже. Правда, охотился я на грифов не в Онибрских горах, а на бурых крыжах Гэраяна. Но сути дела это не меняет.

Эгин едва не выронил лотос из рук от неожиданности. Из сказанного гнорром следовали как минимум две странные вещи.

Во-первых, что он не варанец по рождению, хотя говорит на варанском безукоризненно. Во-вторых, что он помнит не только свое настоящее имя, но и свою настоящую семью. Вдобавок выходит, что Лагха прожил с ней достаточно долго. Вряд ли грудной младенец способен оказывать действенную помощь старшим братьям в охоте на птиц! До этой минуты Эгин был уверен, что некогда на Медовом Берегу он узнал от своего друга и учителя Авелира полную или почти полную историю гнорра Лагхи Коалары.

Из этой истории следовало, что наставником Лагхи, научившим его основным действенным магическим приемам, был темный маг-эверонот по имени Ибалар.

В частности, он подготовил Лагху к тому, чтобы пройти устрашающую Комнату Шепота и Дуновений и выйти живым из прочих испытаний, уготовленных смельчаку, который дерзнет претендовать на то, чтобы стать главой Свода.

Именно Ибалар подсказал Лагхе, как победить здравствовавшего на тот момент гнорра Карувва. Все эти науки Ибалар вдальбливал в него с одной целью: чтобы после того как Лагха убьет Карувва, использовать его в своих магических

и в некотором роде политических целях. Однако почему-то Эгин был уверен, что Ибалар взял для своих нужд маленького варанца-сироту или, может быть, даже мальчика, учащегося в одном из номерных поместий Свода!

– Так вы южанин? – промолвил ошарашенный Эгин.

– Ну да, Эгин. Я мог бы и не говорить вам об этом. Если бы не заметил, что вы серьезно сомневаетесь в моем авторитете по части охоты, – с нескрываемой иронией сказал Лагха.

– Раз так, объясните мне тогда, зачем нам шесть кроликов. Вы ведь сами сказали, что мы можем сделать только одну попытку?

– Для того чтобы Король Лазури заинтересовался нашей наживкой, кролик должен быть очень свежим и еще теплым. Это значит, что нам придется убивать по кролику каждые два часа, уносить старого подальше и снова ждать...

– Соблазнительная перспектива. Ну хорошо. А если вместо Короля Лазури на кролика спустится какая-то другая птица?

– Об этом тоже придется позаботиться вам, Эгин. В этом деле нет ничего лучше заклинаний. Заклинаниям я вас научу.

Ночь Эгин провел в бедном местечке – в том самом, откуда родом были назначенные на заклятие кролики.

Но поспать толком ему так и не удалось. Его грызли изголодавшиеся по благородным гиацинтам клопы, на языке вертелись южные заклинания, завлекающие грифов. Тем не менее к рассвету Эгин уже был на той поляне, что загодя отметил Лагха.

Эгин задушил первого кролика, вспорол ему живот, как учил Лагха, и разбросал внутренности неподалеку от тушки лежащего на боку зверька.

Затем он тщательно развесил сеть в ветвях двух сосен и вывел длинную веревку в шалаш из сосновых ветвей, который соорудил еще вчера.

Потом Эгин долго тренировался в приведении сложного механизма из веревок в действие. Наконец, он тщательно подмел опушку и разбросал всюду свежую хвою. Оставалось затаиться в шалаше и ждать.

Ненадежное зимнее солнце ненадолго выскочило из-за туч и вскоре снова пропало. Лес стал пасмурным и неприятным. Эгин занимал себя воспоминаниями. Больше всего он боялся заснуть. А в сон его клонило непреодолимо.

Лучи солнца не проникали сквозь серую облачную пелву, а значит, определить время более или менее точно бы-

ло сложно. Когда, по расчетам Эгина, наступил полдень, он живо покинул свое убежище, забрал похолодевшую тушку зверька, зарыл ее неподалеку и положил на старое место нового кролика. Король Лазури все не появлялся.

От непрерывного смотрения в одну точку у Эгина затекла шея и начали слезиться глаза. Он сменил позу, но от этого его шансы задремать, казалось, лишь удвоились.

Эгину пришлось признать, что охотник из него никудышный. И неудивительно – всю свою жизнь он считал охоту чем-то средним между блажью и свинством. И надо же, именно сейчас эти презренные охотничьи навыки – терпение, алчность и тупая собранность – оказались ему нужнее всего!

«Может быть, Король Лазури уже прилетал, но, заметив, как я меняю мертвого зверька на свежего, сообразил, что происходит, и отправился восвояси? Ведь говорил же гнорр, что грифы – очень умные птицы?» – спросил себя Эгин.

Чтобы как-то развлечься, он отпер Белый Цветок и поделился своими опасениями с гнорром.

– Если птица уже прилетала, она никогда не вернется вновь. Поэтому об этом лучше не думать. Лучше полагать, что, наверное, сегодня госпожа Далирис отменила прогулку своего любимца...

– ...Или что пока мы с вами наслаждались чудесами Ита, госпожа Далирис подрезала ему крылья. Чтобы не потерялся, – процедил Эгин.

– Это вряд ли, – отвечал гнорр. – Далирис может выдерживать ноздри лакеям за то, что они храпят в своих каморках, и сечь батогами крестьян, когда ей кажется, что они нарочно не моются, дабы оскорбить ее эстетические чувства. Но она никогда не причинит вреда птице. Такая уж она женщина.

– Скоро солнце зайдет, – мрачно сообщил Эгин. – Кстати, а по ночам грифы летают?

– Нет. По ночам – нет. На Севере – никогда. Северная ночь кажется им самым небытием.

– По крайней мере ждать осталось недолго, – утешился Эгин.

Ветра не было, лес казался нарисованным акварелью на свитке величиной с полнеба. Заходящее солнце подмигнуло Эгину сквозь узкую щель между горизонтом и нижним краем сырой облачной простыни. Стволы дальних сосен сверкнули живой медью и на секунду стали похожи на волосы Овель. Чудесные, каштановые волосы с медными отсветами, какими однажды видел их Эгин.

Тогда Овель была в платье из золотой парчи, шлейф которого, изукрашенный жемчугом и стразами, был таким тяжелым, что Овель едва передвигалась... Тяжело ступая, она шла по аллее пиннаринских Публичных Садов, нервно обмахиваясь элегантным шелковым веером. Овель высокомерно глядела по сторонам, высматривая среди гуляющих молодого аррума Опоры Вещей Эгина...

В своем золотом платье с шлейфом, драгоценностей на

котором было больше, чем в ином провинциальном казначействе, она была похожа и на куклу, и на богиню одновременно. Эгин нарочно замешкался, чтобы продлить радость сопричастности этому чудесному шествию.

Внезапно из кустов самшита на аллею выскочила курочка павлина. Она стремительно пересекла дорогу прямо перед рассеяннo глядящей вдаль Овель. Та испуганно ойкнула, остановилась и закрыла лицо широким златотканым рукавом... Это движение – вспышка золота, смазавшая свечение медно-каштанового шелка волос, – врезалось в память Эгину так отчетливо и так мучительно, что на глаза его невольно навернулись нежданные слезы.

На мгновение Эгину показалось, что его сморил сон. Эгин встрепнулся всем телом – но нет, глаза его были открыты, если он и грезил, то грезил наяву. Эгин снова переключил свое внимание на поляну, где лежал кролик, но там не было ничего, кроме уже знакомого золотого всплеска, то и дело закрывавшего медно-каштановое сияние сосновых стволов. «О Шилол Изменчиворукий, да это же Король Лазури!»

Огромная золотая птица с мощной, опушенной серебром и длинной, словно туловище тропической змеи шеей садилась на поляну.

«Почему этот гриф зовется желтым? Да он же золотой!» – пронеслось в голове у Эгина.

Он замер в немом ликовании. Король Лазури имел воистину королевский размах крыльев и королевскую повадку.

Величественно спустившись на опушку, гриф вонзил когти в тушку черного зверька и уже готов был взмыть в небо, а Эгин все смотрел на него, словно зачарованный похотью юноша на предмет своих воздыханий. Он был готов поклясться: перед ним не живая птица, нет – колдовское наваждение!

Он задумчиво наблюдал за тем, как Король Лазури с трудом отрывается от земли. Вдруг все внутри Эгина перевернулось вверх дном и он с печальной, звонкой ясностью осознал, что еще секунда – и золотое наваждение взмост в свинцовые небеса!

В этот переломный момент руки Эгина оказались куда более сообразительными, чем его голова. Он машинально дернул за веревку.

Сеть с развешенными по краям бронзовыми грузиками рухнула на птицу и прижала ее к земле. Внезапно неожиданная бодрость наполнила все члены Эгинова тела, он рванулся прочь из шалаша, попросту развалив его, выскочил на поляну и, бросившись на сеть сверху, прижал птицу к земле со всей возможной бережностью – ведь сломать грифу крыло означало бы то же самое, что не поймать его совсем.

Птица сопротивлялась с почти человеческим ожесточением. Она расклевала левую ладонь Эгина в нескольких местах до кости и разодрала сеть когтями сразу в нескольких местах. Она шипела, клекотала и издавала страшные, какие-то не птичьи звуки. Глаза ее, казалось, были готовы испепелить

охотника, столь много злобы и воли к свободе было в них.

И все-таки после яростной возни ему удалось связать кожистые ноги Короля Лазури и обездвижить птицу, красивее которой, и в этом Эгин тоже готов был поклясться, он не видел никогда в жизни.

Теперь оставалось только привязать к ноге грифа записку, которую он написал еще ночью под диктовку гнорра, и снова пожаловать ему вольную волю. Как хотелось Эгину снова увидеть Короля Лазури в полете!

Глава 5

«Три тюльпана»

*Вокруг госпожи Далирис всегда царила
атмосфера веселого праздника.
Сорго окс Вая. «Что видел и слышал»*

1

– Кто здесь Эгин окс Сур, чиновник Иноземного Дома? – спросил немолодой бородатый мужчина, обладатель вкрадчивого голоса и широченных плеч.

– Я в вашем распоряжении, – отвечал Эгин, вставая с лавки.

Он поклонился, тая ликование. «Эгином окс Суром», то есть выдуманным специально для этого случая неблагозвучным именем, его могли назвать только с подачи Далирис. Хотя ответа от нее и пришлось дожидаться на деревенском постоялом дворе два нудных дня, он все-таки пришел. Этот широкоплечий мордоворот с замашками мажордома и есть ответ! Король Лазури выполнил свою миссию. И госпожа Далирис готова по крайней мере обсудить предложение, которое изложил Эгин в своей записке.

– С вами желает побеседовать одна благородная госпо-

жа, – продолжал гость. – Она приглашает вас посетить ее дом.

Эгин нетерпеливо кивнул.

– Я очень рад этому известию.

– В таком разе извольте собратся побыстрее. Госпожа не любит ждать.

«А сама два дня тянула кота за хвост», – хмыкнул Эгин про себя. И вежливо оскалился.

– Велите седлать! – крикнул Эгин хозяину постоянного двора. И, обращаясь к пришельцу, добавил: – Подождите меня у коновязи.

Когда он вышел во двор, оказалось, что помимо широкоплечего бородача его ожидают еще четверо вооруженных конников.

Хотя бородач и называл Далирис просто «госпожой», а «Три тюльпана» – «домом госпожи», ввести крестьян в заблуждение такими простенькими умолчаниями было невозможно.

Не только Эгину, но и всей деревне было ясно, что за «госпожа» прислала сюда своих людей. Множество любопытных глаз украдкой смотрело на отряд и на Эгина. Смотрело со страхом и благоговением.

Эгин поправил на груди сумку с лотосом и наподдал жеребцу по бокам. Он знал – начинается самая ответственная часть плана.

Не успели они отъехать от деревни, как бородач и его

спутники остановились.

– Госпожа поставила одно условие. Предупреждаю сразу: если вы не примете его, вам придется вернуться.

– Что за условие? – с нарочитой беспечностью осведомился Эгин.

Бородач щелкнул пальцами. Один из всадников эскорта протянул ему глухой колпак из черного бархата – ни прорези для носа, ни прорезей для глаз.

– Вот оно – условие.

Эгин понял, что должен надеть этот колпак и проехать в нем весь путь до «Трех тюльпанов». А может, и до самой гостиной жены харренского сотинальма. Чтобы, значит, варанец не смог приметить расположение охраны или просто не болтал лишнего после стакана гортело.

Эгин всегда был невысокого мнения об этом способе скрывать явное – все равно те, кто представляет опасность для таких дам, как Далирис, и так знают все, что нужно: от расположения нужников до имен горничных. Те же, кто опасности не представляет, могут глазеть на расположение постов охраны хоть до позеленения – что они потом будут делать со своими ценными впечатлениями? На засахаренные орехи обменивать?

Но выхода не было.

– Я принимаю ваше условие. – Эгин передал поводья своей лошади бородачу и надел колпак.

Дышать под колпаком было трудно, да и темп езды замет-

но снизился. Когда Эгин и его свита наконец-то добрались до «Трех тюльпанов», уже вечерело.

Эгину помогли спешиться и, словно слепого, провели через двор, помогли подняться по лестнице. За лестницей были комнаты, где витали запахи душицы и ладана, потом – комнаты без запахов. Все это время его конвоиры не говорили ни слова. Наконец они остановились. «Неужели пришли?» Говорить, кстати, Эгину тоже не разрешалось.

Где-то справа от себя Эгин услышал необычный лай. Вроде бы лаяла собака. Но в то же время он был готов поручиться, что собаки лают совершенно не так. В пяти шагах от него зашуршало женское платье.

– Это он? – спросили по-харренски. Голос был скрипучим, но не лишенным приятности.

– Так точно, Эгин окс Сур, – подтвердил бородач и добавил со значением: – Он вооружен магическим мечом Белого Кузнеца.

– Я же сказала, он может оставить его при себе, – с легким раздражением сказала дама. – Человек, отпустивший на волю Короля Лазури, никогда не позарится на бабкины бриллианты.

Вслед за этими словами раздался тихий старушечий хохот, больше похожий на хриплое кудахтанье.

– Так точно, – натужно подтвердил бородач.

Эгин услышал, как удаляются шаги его конвоиров.

– Да снимите наконец эту дурацкую... шапку!

Эгин не сразу сообразил, что на сей раз слова Далирис обращены к нему.

– Я получила вашу записку, – важно начала Далирис. – Мне кажется, здесь есть о чем поговорить.

Жена харренского сотинальма вела беседу, почесывая за ухом шута, изображавшего собаку. Шут стоял на четвереньках, вилял задом, к которому был прикручен хвост, напоминающий собачий, и время от времени лаял и поскуливал. Его нос был вымазан черной краской, штаны и куртка обшиты мехом. Шут был немолод и одышлив. Словом, тошнотворное зрелище.

Эгин согласно кивнул. Он знал – в его положении лучше придержать язык до поры до времени. Пусть сначала Далирис выскажет все, что сочтет нужным.

– Мне нравится ваше предложение, хотя, говоря откровенно, я не верю в то, что вам удастся найти Королю Лазури пару. Малыш очень тоскует в одиночестве! Я снарядила уже четыре экспедиции в Онибрские горы. Две из них вообще не вернулись. А две вернулись ни с чем. Но может, хоть вам повезет?

– Я был в тех местах. И я имею некоторый опыт в общении с этими птицами, – заявил Эгин.

В соответствии с планом, который они загодя составили с Лагхой, он должен был изображать перед Далирис заядлого птицелова. Но при этом птицелова, не забывающего о том,

что он дворянин.

– Согласитесь, милостивый гиазир, не будь у вас этого проклятого опыта, вы едва ли словили бы моего малыша. В первый момент, когда я только прочла вашу записку, на меня нахлынуло искушение тут же послать за вами убийц. – Морщинистое лицо Далирис скривилось в светской улыбке.

– Вот как?

– Да-да. Настолько удручила меня ваша выходка. Потом, выходит, что если моего малыша смогли поймать вы, пусть даже умелый птицелов, значит, его может поймать и кто-нибудь другой! Моя мечта – чтобы все ваши братья-птицеловы провалились сквозь землю. И я думала начать осуществление своей мечты с вас...

«Кажется, древний род госпожи Далирис происходит не из Харрены. Что это за „поймать“, „словить“? Она что – таркитка? Владеет харренским почти безупречно, акцент не слышен, но время от времени – какой-то подозрительный проблеск просторечия. Старческий распад внешних покровов семени души?»

– Это очень мило с вашей стороны, – галантно поклонился Эгин, который все еще стоял, поскольку приглашения сесть пока не получил.

– Но я преодолела свое искушение. Все-таки вы, гиазир окс Сур, благородный человек! Ведь вы могли бы шантажом выменять у меня Короля Лазури чуть ли не на главарь... флаг... флагман харренского флота! Но вы этого не сделали.

Вы отпустили бедняжку домой. И я решила пощадить вас.
– Благодарю вас, госпожа.
– И я вас пощадила, – самодовольно заключила Далирис.
«Кажется, старуха немного чокнутая», – догадался Эгин.
Между тем он слушал эти запоздалые, неуместные угрозы вполуха.

Он уже успел привыкнуть к тому, что обладающие властью женщины упиваются ею еще более неводержанно, чем мужчины. Ему оставалось только упражняться в учтивости.

– Прошу меня простить, госпожа Далирис. Но поймать Короля Лазури для меня означало единственную возможность привлечь ваше внимание к моему предложению.

– Все правильно. На вашего брата у меня обычно нет времени. Так что в некоторой сообразительности вам не откажешь.

Шут-собака, потягивая, подошел к Эгину, по-собачьи поднял ножку и... горячая струйка неожиданно оросила штаны Эгина. «Тьфу, Шилол!» – Эгин отступил на два шага. Он не решился пнуть «пса» ногой и растерянно переводил взгляд с него на Далирис.

Далирис залилась хохотом, словно стала свидетельницей чего-то воистину сногшибательного.

– Прекрасно, вы не находите? – спросила она, отсмеявшись.

– К сожалению, не нахожу.

– У вас неуживчивый характер, – вдруг заключила Дали-

рис.

– Охотно допускаю, – сказал Эгин и замолчал, твердо глядя Далирис прямо в глаза.

Как ни странно, эта мера оказалась действенной. Далирис посерьезнела и прикрикнула на «пса». Тот поджал свой «хвост» рукой и послушно спрятался за диван, обитый розовым сукном, на котором сидела Далирис.

– Хорошо, – сказала она. – Так что же вы хотите за то, чтобы доставить мне женицу... самку онибрского грифа?

– Сущий пустяк. Я хочу, чтобы вы научили меня, как сделать глиняного человека.

В воздухе зала повисла пауза, угрюмая, как ночь перед ураганом, и длинная, словно зима.

– Глиняного человека?

– Именно, – подтвердил Эгин, не отводя глаз от Далирис.

– А кто вам сказал, что я это умею?

– Я знаю магию. Узнать об этом мне было нелегко, и я дорого заплатил за это знание...

– Вы хоть понимаете, любезный Эгин окс Сур, на какие меры вы меня вынуждаете? – Рот Далирис скривился в неприятной гримасе.

– Да. Я снова «вынуждаю» вас на то, чтобы покуситься на мою жизнь, – спокойно ответил Эгин. Такой поворот разговора они с Лагхой тоже просчитывали. – То есть убить меня, как вы убили тех глупцов, что помогали вам делать прекрасную госпожу Елю.

– Для покойника вы очень болтливы. – Далирис в ярости треснула веером по ладони левой руки.

– Вы не первая и не последняя, кто называет меня покойником, – с нажимом сказал Эгин. – А я все еще жив. Хотите знать почему? Потому что болтливость, равно как шантаж ради быстрого обогащения, мне чужды. В противном случае я обменял бы Короля Лазури на флагман харренского флота. Меня интересует только рецепт глиняного человека. И более ничего.

Эгин буквально топил жену харренского сотинальма в колдовском омуте своих расширившихся зрачков. И был вынужден признать, что Далирис не из тех, чьим мнением легко манипулировать.

– Скажите, знает ли о глиняных людях Еля? – спросила Далирис шепотом.

– Нет. Ни Еля, ни кто иной не знают об этом. Но если вы решитесь убить меня, о глиняных людях узнают все – от гнорра Свода Равновесия до актеров Волшебного театра Ита.

С черными, крашеными космами, уложенными в неряшливую прическу, в своем черном платье с высоким кружевным воротником, семидесятилетняя Далирис была похожа на самку паука-пустынника, принявшую человеческое обличье.

– Вы хотите, чтобы я расплатилась с вами за желтого грифа тем, что я знаю?

– Да.

– Хорошо. Когда вы принесете мне птицу, я расскажу вам все.

– Мне нравится ваша рассудительность, госпожа Далирис. Но я хотел бы получить аванс.

– Аванс?

– Именно так. Скажите мне, как вы сделали Елю, и я принесу вам грифа в ближайшие четыре месяца.

– Что за вздор? Вы предлагаете мне расплатиться за товар, который я еще не держала в руках! – возмущенно воскликнула Далирис.

– Нет. Я предлагаю вам поверить мне. Вы должны войти в мое положение. У меня не будет причин идти на риск ради желтого грифа, поскольку я знаю наверняка: когда я принесу его вам, вместо платы я получу отравленную стрелу в спину.

– Вы проникательны, милостивый Эгин окс Сур. Пожалуй, я так и сделала бы, ведь это очень разумно.

– Это не очень разумно и вдобавок подло. Поэтому, если вы хотите самку для Короля Лазури, вы должны открыть мне свой секрет сейчас. Обещаю вам, я принесу птицу.

– А где гарантии?

– Никаких гарантий нет. И быть не может.

– Хорошо. Мое земное время истекает, я скоро умру, – вдруг сказала Далирис, ее лицо стало похоже на бронзовую маску из древнего могильника. – Пожалуй, это единственное, что заставляет меня поступать так, а не иначе. Дайте мне клятву – клятву на крови, что вы не обманете меня, и

вы получите свой аванс.

Эгину стало немного страшно – «клятв на крови» он не давал никогда в жизни, хотя и знал, что в безумной Харрене каждая вторая сделка скрепляется именно так. Что-то в этой клятве было жутковато-архаическое, правдивое, злое.

Но отступить было некуда – он и так вел торги на грани блефа. Эгин вынул «облачный» клинок из ножен и надрезал себе мизинец. Кровяная капля застучала о мраморные плиты зала.

– Да обернутся моя кровь огнем, мои глаза – гноем, а мои кости – известью, если я нарушу клятву, данную госпоже Далирис, – медленно произнес Эгин.

За занавешенными окнами прогрехотал немислимый зимой гром. Далирис обернулась к окну и удовлетворенно причмокнула.

– Ваша клятва принята, любезный окс Сур. А теперь слушайте. Я не могу сделать глиняного человека сама. И я не могу научить вас этому, поскольку сама не умею. Елю, мое весеннее солнышко, сделал для меня странствующий маг, имя которого я буду вспоминать добрым словом и на смертном одре – Адагар. Где его найти, я не знаю. Но чтобы не показаться вам обманщицей, скажу: мне известно, что он жив и что отыскать его возможно. О том, где сейчас Адагар, знает любой из *странствующих* магов Круга Земель. Вам достаточно найти такого странника и спросить его об Адагаре.

– Но где искать этих странников?

– Смешно слышать такой вопрос от человека, знающего магию, – фыркнула Далирис. – Для этого вам нужно оказать-ся в Тардере. Выйдите на площадь Мясников в ночь на следующее новолуние. Присмотритесь хорошенько. И вы узнаете странствующего мага.

– Но как? Как я его узнаю? На нем что, будет черный плащ до земли, колпак звездочета и посох, изогнутый пьяной зме-ей? – Эгин откровенно иронизировал. Он знал – если насто-ящий, матерый маг не хочет быть узанным, его не то что отличить от обычного человека, но и увидеть-то практиче-ски невозможно.

– Узнать странника как стакан воды выпить. Уверена, тот, кого вы встретите в Тардере на площади Мясников, окажется вашим старым знакомцем...

И Далирис снова рассмеялась своим резким, кашляющим старушечьим смехом. Ее «пес» выразил сорадование хозяй-ке залиivistым воем из-за дивана.

Вечерело, но Тардер, казалось, не замечал смены времени суток. Народу на улицах меньше не стало – по крайней мере так показалось Эгину.

Пятиугольная площадь или, как назвала ее Далирис, площадь Мясников в этом смысле не представляла собою исключения.

Она располагалась в самом центре харренской столицы и была окружена плотным кольцом лавок, из которых лишь одна пятая имела отношение к торговле мясом. Остальные сбывали что попало – от сукна до лекарств и бакалеи.

Вывески и гербы лавок, подсвеченные масляными фонарями, выглядели довольно привлекательно. И покупатели, которые приходили на площадь не столько чтобы купить, сколько чтобы развлечься перед сном, позволяли себя привлечь – насмотревшись на шелка и кружевные воротники, они усаживались на крыльцо лавки продавца амулетов и, отдохнув, шли прицениваться к ювелиру...

Да и на самой площади даже в сумерках шла торговля – торговали сладостями и подогретым вином, женщинами, вялеными фруктами и первыми цветами – бело-зелеными подснежниками, привезенными с юга, мальчиками, сыром, который в Харрене заведено подавать к вечерней дружеской трапезе, и даже дым-глиной.

Эгин впервые видел дым-глину, так сказать, «в свободной продаже». В Варане распространение этого дымотворного зелья, которое представляло собой смесь растертых в пыль минералов и экстракта из водорослей и грибов, обладающих дурмнящим действием, каралось смертью. Уличенного в торговле дым-глиной преступника бросали в подвал с гадюками – редкий случай, когда власти находили уместным разводить такую дорогостоящую канитель ради наказания ослушника, которого можно было бы и просто повесить. Значит, по мнению вдохновляемых Сводом Равновесия законодателей Варана, в дым-глине было нечто выходящее из ряда вон, сверхопасное.

Эгин подозревал торговца. Он долго ощупывал крошащийся катышек серо-зеленого цвета, который был величиной с каштан. Потом не удержался – и купил. Уж очень ему хотелось взглянуть на этот крамольный сильнодействующий дурман при свете дня. Пробовать дым-глину в намерения Эгина не входило.

Торговец сразу догадался, что имеет дело с новичком, и, подозревал Эгин, не упустил случая подсунуть ему подделку. Эгин расплатился и спрятал кулечек в сарнод – в конце концов ему было плевать, – ему нужно было всего лишь чем-то себя занять, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Мало ли, сколь долго ему придется дожидаться странствующего мага на этой площади. Возможно – до рассвета. Не исключено даже, что Далирис обманула его. И то-

гда вся эта затея – полная бессмыслица.

Гнетущий колосс башни Оно, о которой виршей было сказано не меньше, чем об Элиене Звезднорожденном, был виден в Тардере отовсюду. В том числе и с площади Мясников. Эгин так долго пялился на эту трижды священную постройку, ошиваясь вдоль прилавков, что у него началось легкое головокружение.

Он снова принялся разглядывать покупателей и торговцев – ни одного знакомого лица. Ничего, что намекало бы на принадлежность человека к клану странствующих магов.

Конечно, ожидать, что вдруг появится некто с деревянной табличкой, на которой вырезано что-то вроде «Я – странствующий маг», со стороны Эгина было наивно. Но он все-таки не терял надежды на то, что Пестрый Путь каким-то чудом вынесет его к искомому человеку. Ведь привел же он его некогда к Убийце Отраженных?

Через полтора часа хождений по площади Эгин почувствовал, что нешуточно устал. Он решил последовать примеру жителей столицы – купил у разносчика чашку подогретого вина и уселся на ступени какой-то запертой лавки. Если уж ждать – то ждать сидя.

Мимо него проплывали молодые харренские офицеры, вежливо придерживая за край вышитых поясов своих дам, прически и одежда которых свидетельствовали о пошатнувшихся моральных устоях. Медленно фланировали состоятельные горожане почтенных годов, пришедшие сюда со сво-

ими содержанками, которым неймется показать соседям новые платья. Пробегали крикливыми табунцами мальчишки-голодранцы в расклеивающихся башмаках, выпрашивающие у чужаков вроде Эгина подачку, а у торговцев – черствый крендель... Но ни одного странствующего мага не прошло мимо Эгина!

Приближалась полночь. Народа на площади становилось все меньше.

Торговцы, позевывая в ладонь, сворачивали свои прилавки и складывали товар на тележки, в которые же сами и впрягались.

Лавочники тушили фонари над дверьми и подсчитывали барыши за спущенными шторами. Вино, в очередной раз купленное Эгином, оказалось совсем холодным. А он все сидел и ждал.

Наконец рынок опустел почти полностью. Лишь две лавки в ряду напротив Эгина оставались освещенными.

«Духи. Лекарства. Притирания. Ничего не теряешь» – было написано на одной. «Корм для певчих птиц. Поют, как заводные» – гласила надпись над крыльцом другой.

Когда же покровитель певчих птиц с внушительным брюшком вышел на крыльцо, чтобы потушить свет, Эгину стало совсем тоскливо. Что ж теперь, сидеть на этой опустевшей, темной площади до утра?

Не успел Эгин допить свое вино, как пришел черед лавки аптекаря.

Сначала свет погас в небольшом окошке, заставленном пузырьками из мутного стекла, а затем на крыльце появился и мальчик – видимо, слуга или, скорее, ученик аптекаря.

Скучающий Эгин воззрился на ученика со своего отдаления – уж очень интересно ему было, как такой малыш дотянется до фонаря, висящего под самой крышей.

С вялым интересом он наблюдал, как ученик аптекаря возился с длинным шестом, конец которого был увенчан внушительным крюком. Возился, впрочем, без особого успеха – крюк никак не хотел цепляться за дужку фонаря, то и дело соскальзывая вниз.

Эгин хотел уже покинуть свое место и пройтись по площади, размять ноги, как вдруг с некоторым запозданием сообразил, что тот человечек, которого он принял за мальчишку-ученика, на самом деле не мальчик, а лилипут – уж очень непропорционально большой была его голова, уж очень не мальчишескими, а, напротив, выверенными и усталыми были его движения.

«Аптекарь-карлик? Что, нынче у всех карликов Севера в моде одно – содержать аптеки?» – спросил себя Эгин, которому вдруг вспомнилось, что тот аптекарь, у которого он пытался купить перо птицы Юп, тоже был лилипутом. Как вдруг его осенило...

Он летел через опустевшие торговые ряды со скоростью зачуявшей зайца гончей.

Дважды он поскальзывался, наступив ногой на гнилую

дынную корку.

Под подошвами его башмаков хрустела ореховая скорлупа и черепки, разлетались вдребезги схватившиеся ледяной коростой лужи.

Больше всего Эгин боялся, что карлик, которому все-таки удалось снять и затушить фонарь, сейчас зайдет в свою лавку и закроет дверь на засов.

Потому что в этом случае за то время, пока Эгин обещит каре плотно пристроенных друг к другу домов, образующих Пятиугольную площадь, аптекарь уже успеет выйти через черный ход – и неровен час Эгину придется ждать его появления до завтрашнего утра. Если он вообще появится на площади Мясников до следующего новолуния!

Кричать аптекарю что-нибудь вроде «Э-ге-гей! Погоди!» Эгин раздумал, поскольку боялся, что тот испугается и скроется за дверью даже раньше, чем сообразит, кто и зачем его зовет. Про пугливость лавочников в его родном Варане ходили анекдоты.

Эгин схватил карлика за полу кафтана в тот момент, когда он уже входил в темный проем двери.

– Постой. Пожалуйста, подожди, – прошептал запыхавшийся Эгин.

Аптекарь вздрогнул, но, быстро взяв себя в руки, с достоинством обернулся и смерил Эгина таким пронзительным взглядом, что тот невольно отпрянул.

Конечно, это был он – тот самый морщинистый старичок,

чья макушка не доходила Эгину до пояса. Тот самый, что некогда в Нелеоте предлагал ему духи «Южный букет» за тридцать золотых авров... «Неужели это и есть странник?» – ужаснулся Эгин.

– Чего тебе, юноша? – Карлик, казалось, совершенно не узнавал его.

– Мне следует... то есть мне нужно... задать тебе один вопрос, – с трудом из-за сильнейшего волнения подбирая харренские слова, сказал Эгин.

– Лавка закрыта. Я не расположен к разговорам и хочу спать. Приходи завтра.

Эгину вспомнились слова Далирис о новолунии. А ведь новолуние только раз в месяц! Теперь, глядя в глаза аптекарю, которые, казалось, давали странный, лимонно-желтый отблеск, Эгин уже не сомневался в том, что завтра на этом месте он не найдет не то что карлика, но даже и площади Мясников. Он понял: нужно сделать все от него зависящее, лишь бы тот не скрылся.

– Пожалуйста, я умоляю тебя об одолжении. Хочешь, я куплю у тебя что-нибудь? Что-нибудь дорогое? Притирания, например. Средство от облысения или поседения, настойку на золотом корне...

– Сегодня у меня был удачный день, я выручил достаточно. Но теперь я уже свернул торговлю и мечтаю о ночи на своей мягкой перине. В лавке уже темно. Разве ты не видишь? – осадил Эгина карлик.

Как похож и в тоже время не похож он был на того, с которым Эгин общался в Нелеоте!

– Я вижу. Вижу! Хочешь, я дам тебе денег просто так? За одно твое слово?

– Я не торгую словами.

– Тогда дай мне его даром!

– Я не занимаюсь благотворительностью. – Взгляд карлика был холодным и отстраняющим.

– О Шилол! – взвыл Эгин, который не на шутку растерялся. – Почему ты не хочешь со мной даже поговорить?!

– Именно это я и делаю. Но – достаточно болтовни! Мои домашние меня уже заждались. Правнук ждет вечерней порки, невестка трясется от нетерпения, ей хочется посчитать выручку. На тебя у меня нет времени, тем более от тебя несет дешевым вином!

Эгин покраснел – в кои-то веки от него действительно пахло хмельным зельем.

– Прости меня, но я не пьян! Послушай, что случилось, разве ты меня не узнаешь?

– Конечно, я узнаю тебя, варанец со знаком на левом плече! – мрачно сказал аптекарь.

Эгин во все глаза воззрился на карлика – в его взгляде боролись страх и отчаяние. Как вдруг ни с того ни с сего полнотелый рот карлика расплылся в широкой дружественной улыбке и он... рассмеялся.

Его смех снова напомнил Эгину шелест опавших листьев

в осеннем лесу. Карлик смеялся так искренне и так заразительно, он буквально перегибался пополам от хохота, что Эгин тоже невольно улыбнулся. Он по-прежнему не знал, что и думать.

– Ладно, заходи, сотворитель чудесных компасов, а то ведь в другой раз могу и не узнать, – отсмеявшись, карлик подмигнул Эгину и широко распахнул дверь аптеки.

Это была та же самая аптека, внутри которой Эгин уже был однажды в Нелеоте. Не «похожая» или «напоминающая» нелеотскую. Но та же самая – те же весы, те же пыльные стеллажи с банками, закрытыми промасленной бумагой, та же покосившаяся конторка.

О том, как это возможно, Эгин предпочитал не задумываться. Достаточно было того, что подозрительный метод госпожи Далирис оказался действенным! «Странник и впрямь оказался старым знакомым, если, конечно, карлик действительно странник», – подумал Эгин.

– Можешь называть меня хоть морским котиком. Если больше нравится странником – можешь звать меня так. Впрочем, странник – он вроде бы все время странствует. Я же все время остаюсь на месте. В своей аптеке. – Карлик снова захихикал.

– Если бы ты знал, как я был удивлен, когда понял, что ждал именно тебя! – воскликнул Эгин.

– Удивлен? Вот уж не ожидал, что варанца, который умыкнул у Дрона перо птицы Юп, можно чем-нибудь уди-

вить! Впрочем, рассказывай быстрее, зачем пожаловал. То, что я хочу спать, – это святая правда. Не имеющая к моим дурацким розыгрышам никакого отношения.

– А Дрон – он тоже странник? – не удержался от вопроса Эгин.

Карлик демонстративно зевнул во всю глотку и посмотрел на него с выражением тупой рассеянности. Эгин с сожалением осознал, что болтать на общие темы аптекарь действительно не расположен. А может, ему просто не хотелось говорить о Дроне. Как в свое время заметил Эгин, Дрон не принадлежал к числу тех людей, которых неймется пригласить к себе на крюшон.

– Я пришел сюда, чтобы узнать, где мне искать странника по имени Адагар. Одна госпожа, сведущая в магии, говорила мне, что ты должен знать это.

– Гм... Адагар? Скажи, пожалуйста, зачем тебе понадобился этот старый пройдоха? Что за народ тебя интересует – то Дрон, то, скажите на милость, Адагар... Правду говорят – у варанцев на уме одни дурачки!

С минуту Эгин колебался, говорить ли аптекарю правду, но его язык словно бы сам решил, что делать.

– Мне нужен маг, который сможет сделать для меня тело глиняного человека.

От собственных слов ему стало как-то неуютно, и он невольно поежился.

– Ах вот оно что! Тогда и впрямь Адагар – это тот, кто

тебе нужен. Правда, путь тебе светит неближний. Ехать за этим балаболкой придется на Фальм. Там он и подвизается при дворе барона Вэль-Виры. Оборотням Гинсавера сказки рассказывает и припарки на ягодицы лепит. Так что хочешь Адагара – готовься путешествовать. Ну да сапоги изнашивать тебе что с горы катиться!

– Значит, Адагар на Фальме? – переспросил Эгин.

– Там, – кивнул аптекарь. – Только тебе надо поторопиться. Не то придет весна – и поминай как звали твоего Адагара!

– Ну... Фальм ведь это не Магдорн. Отсюда до Яга – рукой подать!

Аптекарь соорудил уморительную обезьянью мину.

– В самом деле, и чего это я тебя Фальмом страшаю? Человеку, который в Ит из Пиннарина сбегал, на Фальм съездить все равно что иному кружку ртути закипятить!

– Послушай, а откуда тебе известно про Ит? – не удержался Эгин.

– Белый Цветок из твоей сумки торчит словно срамной уд у похабника, что разглядывает книжки императрицы Сеннин! – и аптекарь снова согнулся пополам от собственной шутки.

– Милостивый гиазир, очень хорошо, что вы меня вызвали! Я должен сообщить вам печальные новости.

Это был Йор, неразлучный со своим абордажным мечом.

«Интересно, у него там действительно такой большой меч, или что-то совсем другое, а ножны – только прикрытие?» – подумал Лараф, протягивая пар-арценцу Опоры Единства руку для поцелуя.

– Что еще за новости, Йор? Я не желаю никаких новостей. Я вызвал вас, чтобы поговорить по совершенно безотлагательному вопросу.

– О да, я понимаю. Однако полчаса назад моя Опора приняла почтового альбатроса из Урталаргиса. Я прошу вас позволить мне сообщить дурные вести незамедлительно.

– Валяйте, Шилог с вами.

Все время следить за своей речью у Ларафа не выходило. Но кругом творилось такое, что, похоже, никому сейчас до его расхристанного лексикона дела не было. Тем более он – гнорр, а гнорру позволительна эксцентричность.

– В Урталаргисе творится что-то небывалое. Я уже сообщал вам о волнениях среди тамошней черни. Наши люди казнили кое-кого для острастки и на несколько дней все вроде бы улеглось. Однако вчера вечером взбунтовался гарнизон Восточного форта. Они убили троих офицеров из моей

Опоры, а остальных разоружили, избили и вышвырнули из форта в город. После этого большая толпа простолюдинов вывалила на улицы, разграбила винные склады и несколько богатых особняков. Многие дерзнули демонстративно совкупиться прямо посреди площади. Пели срамные песни. Называли Свод Равновесия притоном мужеложцев, извините.

– Ничего, мелочи. Это все?

Йор, недовольный тем, что гнорр достаточно спокойно воспринимает известия об этих ужасающих, попирающих устои государства преступлениях, перешел к главному.

– Нет. К счастью, большая часть команд парусных кораблей, морская пехота и гарнизон Приморского форта сохранили верность Князю и Истине. По приказу военного коменданта Урталаргиса с зимних квартир была вызвана конная гвардия цинорской границы. В полночь к центру города со стороны порта пробилась колонна панцирной пехоты, а из южных предместий – кавалерия. Толпа была рассеяна. Уцелевшие обыватели разбежались по домам.

– И много уцелело обывателей?

– М-м... половина, надо полагать. Однако Восточный форт взять с налету не удалось. На беду там в прошлом году поставили шестнадцать самозарядных стрелометов, так что конная гвардия недосчиталась с полсотни своих. Для гвардии это много, как вы понимаете.

– В самом деле печально.

Ларафу, конечно, было наплевать на далекий Урталаргис,

где он никогда не бывал и о котором знал только, что после Пиннарина и Нового Ордоса там самая высокая потребность в метательных машинах. Из Казенного Посада туда частенько отправляли то пару запасных желобов для камнеметов, то комплект упругих блоков для утяжеленного «огневержца».

– Но настоящей катастрофой стал второй штурм, который занял все сегодняшнее утро. Морская пехота вместе с сотней офицеров Свода – правда, среди них было всего лишь семеро дельных аррумов – пошла на приступ и уже заняла стены. Как вдруг среди защитников появились люди с «облачными» клинками. Кто они, откуда взялись – сказать точно нельзя. Единственная правдоподобная версия – аррумы из ближайшего окружения Сонна. Их появление было столь внезапным, что...

– К Шиолу, – при упоминании имени Сонна Лараф почувствовал, что история мятежа плавно переходит из области общепознавательной в сферу его личных интересов. – Чем все закончилось?

– Большими потерями и бунтом галерных гребцов. Основная часть города сейчас находится в руках мятежников. Здание Свода Равновесия блокировано. Мятежники не предъявляют никаких требований, кроме одного: чтобы все офицеры Свода повесились в одночасье на реях.

– Какие меры принимаются?

– Пока никаких. Мы ведь буквально только что об этом узнали.

– А каковы ваши прогнозы?

– Я думаю, нам удастся справиться с мятежом довольно легко. Мятежных солдат никак не больше пяти тысяч. Скоро поступят дополнительные сведения от моих секретных агентов. Думаю, им удастся устранить верхушку мятежников – вольнодумствующих офицеров из дворян – еще до начала решающего сражения.

Лараф припомнил все, что знал о варанской и иноземной истории и, чтобы поддержать реноме великомудрого гнорра, важно осведомился:

– А нет ли опасности распространения мятежа на соседние уезды? Ведь в стране и впрямь много недовольных нашим... как это вы изволили выразиться – «притоном мужеложцев»?

– Это не я. – Йор покраснел. – Это мастеровые в Урталаргисе!

– Не важно. Так что вы скажете насчет расползания этой скверны?

– Совершенно исключено, – с мнимой небрежностью ответил Йор. – Как учит нас история, после первых побед в лагере восставшего сброда всегда начинается головокружение от успехов. Пьянство, дележ награбленного, разврат. Обычно неорганизованное войско мятежников разлагается быстрее, чем успевает преодолеть хотя бы сотню лиг.

«Ой ли. А вот мятежные гюты Эстарты, помнится, когда-то из небольшой горстки сделались могучей армией и со-

крушили бессчетную конницу узурпатора Югира», – подумал Лараф, втайне гордясь своей образованностью.

Но препираться с Йором не решился, потому что понимал: ученая сволочь пар-арценц завалит его контрпримерами. Тем более гнорр вообще не должен опускаться до исторической полемики со своими подчиненными.

– Это пустая риторика, – сухо сказал Лараф. – Какие конкретно силы встретят мятежников, если те вдруг двинутся на Пиннарин?

Йор едва заметно улыбнулся. Гнорр задал первый профессиональный вопрос. Он, Йор, ждал этого вопроса!

И пар-арценц запел соловьем.

Сводный отряд Опоры Единства будет выслан в направлении мятежного города из Староордосской крепости. Десять эскадронов «меднокопытных» оседлают тракт Урталаргис – Пиннарин и возьмут под защиту резиденцию Сиятельной, которая находится в пятнадцати лигах от опасного места. Одновременно с этим из Вергрин...

Лараф, как это уже случалось с ним неоднократно, полностью отключился.

Ну и денек! Еще утром, на площади перед Сводом, он провозглашал прописные истины о службе Князю и Истине. Днем метался в поисках книги.

Учинил первый раз в жизни самостоятельную Большую Работу.

Испаскудил рябинки, осинки и древнюю книжищу с «Ре-

тарскими войнами» Хаулатона. Переговорил с неугомонными баронами Фальмскими, встретить которых намеревался никак не ранее, чем через полтора месяца...

Ну а вечером, вместо того чтобы отдать жизненно важные приказы о поимке Сонна, он обречен выслушивать державную чушь, источаемую многомудрыми устами единственного достойного доверия пар-арценца!

Йор наконец замолк и отвесил своему повелителю едва заметный, но оттого безмерно церемонный поклон.

– Неплохо, – сухо сказал Лараф. – Неплохо. Я даю вам свое разрешение отдать все необходимые приказы от моего лица. И будем считать, что Опора Единства еще в состоянии выбраться из той грязной лужи, в которую усадили ее солдаты Приморского форта.

– Восточного, – поправил Йор, поражаясь одновременно двум вещам: сбоем, который дала знаменитая память гнорра, и тому, что Лагха в кои-то веки дает своему нелюбимому подчиненному шанс отличиться самостоятельно, разрешая отдавать приказы от своего лица.

– Вот именно. А теперь, пар-арценц, ответьте: что там у нас с Сонном?

А вот этой темы Йору касаться очень не хотелось. Старый лис надеялся, что Урталаргис отвлечет гнорра от забот о беглом пар-арценце Опоры Писаний. Похвастать Йору было ровным счетом нечем.

– Сонн как сквозь землю провалился, – признался он. –

Буду с вами откровенен, милостивый гиазир: с моей точки зрения, столь искушенный маг в состоянии скрываться сколь угодно долго. Особенно сейчас, когда страна разорена землетрясением. Если Сонн пожелает, он может без особых затруднений покинуть Варан, и тогда его будет достать еще труднее. Может затаиться внутри страны. Может бежать к нашим врагам, как это некогда пытался сделать Дотанагела. Мне кажется, что найти его по силам только вам.

Последняя фраза была со всех сторон скользкой. Хотя бы уже потому, что в ней содержалась не только грубая лесть, но и неявный вопрос: в самом деле, если гнорру по силам мощью своего колдовства разыскать Сонна, то почему он не сделал этого еще две недели назад?

Йор понимал всю двусмысленность своих слов, но удержаться от них не мог. Все-таки в конечном итоге это была лесть, а гнорр, как и простые смертные, был до лести падок.

– Вы совершенно правы, – важно сказал Лараф. – Похоже, без моего личного вмешательства Свод не в состоянии поймать даже пару головастика в придорожной канаве. И вызвал я вас именно для того, чтобы научить охоте на Сонна.

Глава 6

Бароны Семельвенк

*Кто бы мог тогда подумать, что эти милые бароны Семельвенк способны на предательство?!
«Мемуары». Лид Фальмский*

1

Хотя аптекарь, имя которого по какому-то странному недосмотру Эгин снова забыл спросить, поминутно вспоминал то о своей славной перине, то о своем правнуке, намекая Эгину на то, что ему пора убираться, они все-таки проговорили еще довольно долго.

– Дам тебе совет, варанский выскочка, – шелестел аптекарь. – Сейчас же беги в свою гостиницу, хватай скарб и лошаденку и мигом на пристань. Не то не видать тебе Адагара как своих ушей.

– Но ведь харренские суда не плавают на Фальм? Насколько мне известно, Харрена и Фальм находятся в состоянии «вечной войны»?

– Придумали тоже – «вечной войны»! Во-первых, бароны все-таки считаются подданными харренских сотинальмов, по крайней мере сотинальмам время от времени выгод-

но так думать, чтобы не потерять уважения в собственных глазах. Во-вторых, с Фальма вывозят кое-какие *вещички*, в которых заинтересован и кое-кто в Харрене, и кое-кто в Тернауне. Так что «вечная война» мореходству не помеха. Да и потом, я ведь не сказал, что тебя повезет харренское судно. Тебя повезет фальмское судно! – Карлик воздел свой крохотный, словно моченый пикуль, палец в потолок.

– Вот уж не думал, что тамошний дикий люд способен проявить себя в кораблестроении.

– А я и не говорил тебе, что тамошний люд на это способен. Это судно – наемное. И сам капитан Цервель родом из Глиннарда. Но только служит Цервель фальмским баронам. И большую часть времени ходит под флагом с четырьмя семиконечными звездами.

– Что это еще за флаг?

– Трудно сказать. Это и флаг Фальма вообще, и флаг баронов Маш-Магарт. Они чаще всего нанимают Цервеля. Уж очень баронесса велиа Маш-Магарт – кстати, весьма тонкая штучка – любит всякую заморскую разность: шелк, оружие, утварь. Впрочем, и другие бароны нанимают Цервеля с удовольствием. Хотя фальмская знать не ведает себе равных в задиристости и сумасбродстве, в отношении капитана она проявляет сдержанность, позволяя ему служить как бы всем и никому лично. Поскольку бароны чуют, бестии, что Цервель душу в рост отдаст, если только ему пообещают с нее хорошие проценты. Второго такого Цервеля еще поискать

– навигация близ Фальма дело очень опасное, а платят они средне.

– Может, лучше посуху? – предположил Эгин.

– Если согласен поспеть к Венцу Лета – может, и лучше. А раньше и не думай.

– Но, по моим расчетам, это две недели пути! Что там – разбой на дорогах?

– Нет. Но перешеек, соединяющий полуостров с Сармон-тазарой, весь перекопан харренитами. Там сторожевые секреты, заставы, крепости – лучше туда не соваться. А если сунешься – будь готов к тому, что идти придется через такие чащобы, по сравнению с которыми леса Ре-Тара кажутся царскими садами. Кроме этого, на Фальме отвратительные дороги. Особенно – на северо-западе.

– А на побережье?

– Одна мощеная козья тропа соединяет Семельвенк, замок барона Аллерта, и город Яг. Собственно, на Фальме всего три «порта», если это можно так назвать. Первый – это Южный замок – страшное место, где тебе лучше не бывать. Да это и не порт вовсе. Яг – приморский город, куда и ходит Цервель из Тардера. И Белая Омела – четыре рыбацьи лачуги с видом на море и кучей каменных истуканов культового назначения.

– А что Адагар? Ты говорил про замок Гинсавер. Далеко ли он от Яга?

– Когда я бывал на Фальме, мне показалось, что между

Ягом и Гинсавером около двух недель пути. Но, может, тебе повезет и ты успеешь до того, как начнется говноплавка.

– Говноплавка? – переспросил Эгин.

– Так бароны фальмские величают весеннюю распутицу. Они там в выражениях не стесняются. Простота у них, понимаешь ли, посконная, дедовская.

– А барон Вэль-Вира? Тоже любитель дедовской простоты?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Когда я был на Фальме, Вэль-Вира еще на свет не родился, – закрихтел-засмеялся аптекарь. – Но батюшка его видный мужик был! Густой оленьей кровью меня угощал, это у него вместо наших улиток со сливками подавали, такой деликатес.

– Не пойму, что это за оленья кровь – «густая»... – нахмурился Эгин.

Перспектива ехать на Фальм его вдохновляла все меньше и меньше. Тем меньше, чем более неизбежной она становилась. Теперь вот еще и кровь оленья там у них деликатес.

– Нечего тут понимать. Наеживают с горла оленьего кроушки в глубокую миску, ставят миску в ледник. А оленья самого отпускают. Обычай такой у них: если олень померет, считают, что можно отравиться. Через день глядишь – а кровь-то и загустела, как это ей свойственно. Тогда перца сверху, укропу и сушеного кизилу сыплют. На четыре части, как омлет, разделяют и гостям подают. Эдакое блюдо. Пробовать не советую. Отказаться – значит нанести хозяину

смертельную обиду.

Эгин скривился от отвращения. Что за кухня? Что за чай?

– То-то же. Так что подумай хорошенько, нужен ли тебе этот разнесчастный Адагар или ну его к лешему.

Эгин угрюмо вздохнул. К сожалению, Адагар был ему нужен. Причем нужен до зарезу.

Не успело взойти солнце, а он уже был на пристани, выискивая взглядом корабль, похожий на тот, что описал карлик.

Аптекарь предупредил Эгина, что флаг с семиконечными звездами искать бесполезно – Цервель тщательно скрывает от всех в Тардере, кому служит. И ходит под фальмским флагом только за пределы Харрены. Судно Цервеля со странным названием «Дыхание Запада» Эгин отыскал не сразу.

Матросы закатывали на «Дыхание Запада» бочки с вином и маслом. Портовые бродяжки, нанятые на один день, заносили на палубу мешки с гречневой мукой и горохом.

Сам Цервель, наплевав на капитанскую спесь, собственноручно таскал связки копченого сала и угрей, гремя по дощатому трапу коваными каблуками сапог. Связки источали такие соблазнительные ароматы, что бродяжки сглатывали слюну и останавливались, чтобы понюхать воздух. По всему было видно, что отплытие совсем скоро.

– Все верно, отплываем сегодня вечером, – сдержанно ответил Цервель Эгину.

– А куда? Я имею в виду ваш порт назначения.

– А вот это – тайна, – вежливо, но непреклонно ответил Цервель, поворачиваясь к Эгину спиной, от него несло как из коптильни в рабочий полдень.

– Послушайте, – начал Эгин переходя на полусшепот, – мне нужно на Фальм. Я готов заплатить хорошие деньги.

– На Фальм? – Цервель изобразил удивление. – Вот уж не советую так не советую! Нравы там не для просвещенных господ. Грязно. Вдобавок тиф. Гнилостные испарения народ так и косят... Так что если найдется безумец, который...

– Милостивый гиазир Цервель, мне действительно очень нужно побывать на Фальме, – не отступал Эгин. От него не укрылась искорка неподдельного удивления, которая сверкнула в глазах капитана, когда он услышал из уст Эгина свое имя. «Неужто доигрался?» – словно бы говорили губы Цервеля, которые то нервно сжимались, то кривились в букву «о». – И барон Вэль-Вира, к которому я направляюсь, будет очень недоволен, если я не прибуду в срок.

– Что-то я не слышал, чтобы барон Вэль-Вира кого-то ожидал, – с сомнением сказал Цервель. – Впрочем, что мне до этого. Я все равно направляюсь сейчас на юг...

– Но в вашей каюте, между тем, готов поручиться, можно найти еще влажный флаг с семиконечными звездами! – Эгин старался казаться доброжелательным, но это еще больше насторожило Цервеля.

«Наверное, не нужно было говорить про каюту и про флаг», – подумал Эгин.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду флаг. И больше ничего.

– Да... флаг... фальмский флаг... Да! Я бывал там дважды. И чтобы... знаете ведь, всякое бывает! Но это вовсе не значит, что я...

– Это совершенно ничего не значит, – с энтузиазмом подтвердил Эгин, который понял, что допустил оплошность, слишком быстро взяв в оборот подозрительного капитана. – Тогда сделайте одолжение – не могли бы вы по пути на юг, в ваш загадочный пункт назначения, посадить меня в Яге?

– В Яге? Но это нам не по пути!

– Пятьдесят авров. Плачу золотом.

С минуту Цервель сохранял молчание – видимо, алчность и осторожность в очередной раз сцепились в его душе за право принимать решения.

– Будь по-вашему. Так уж и быть, зайду в этот проклятый Яг один разок. Ради вас, милостивый гиазир... м-м... гиазир...

– ...гиазир Эгин.

Первые два дня на судне Цервеля Эгин просто проспал. Качка была оглушающей. Еда – сродни помоям. Видимо, копченые окорока и угрей Цервель приберег для своего стола.

Рядом с кроватью Эгина стояла жаровня со свежими углями, но и это не помогало – холод и сырость, казалось, поселились внутри его костей.

По сравнению с этим плаванием, путешествие на «Гордости Тамаев» казалось ему теперь просто развлекательной прогулкой. И хотя жил он в роскошной, прекрасно меблированной каюте с коврами, умывальником и бумажными цветами в прикрученных к полу вазах, он чувствовал себя покинутым и больным.

Была еще одна причина, по которой Эгин предпочитал сон под тремя одеялами всем прочим занятиям. Ему не хотелось отпирать Белый Цветок. Вернее, у него не было на это душевных сил.

Он не разговаривал с Лагхой от самого Тардера, когда он только собирался на площадь Мясников. Давно пора было бы сообщить гнорру свежие новости, рассказать ему о необычайной встрече с карликом-аптекарем. Более того, не сообщить ему об этом было порядочным свинством – в итоге ведь Эгин принял решение ехать на Фальм, не посоветав-

шись.

Но в том-то и была загвоздка. Эгин чувствовал: Лагха и Фальм – это два слова, которые не хотят мирно стоять рядом. Ему вспомнились давние туманные намеки Лагхи относительно Зверды, тоже фальмской баронессы. И исполненные обиды слова Овель, которая говорила о фальмских баронах на повышенных тонах, да еще в выражениях, не делающих чести воспитанной девице из рода Тамаев...

Почему-то Эгин был уверен, что Лагха откажется от того, чтобы плыть за Адагаром в замок Гинсавер, хотя логика вроде бы свидетельствовала в пользу того, что поступать следует именно так. И он решил сказать «да» быстрее, чем Лагха получит возможность возопить «нет!»

Лишь на третий день Эгин отважился отпереть Белый Цветок.

– По вашему лицу вижу – вы не в духе, – заметил гнорр, похожий на игрушечного солдатика. Такие фигурки лучников и алебардистов отливали в Варане из меди и олова на потребу капризным сынкам столичной знати, охочим до настольных «войнушек».

– Да нет, все в порядке. Просто хандра – сказывается врожденная угрюмость, – попробовал отшутиться Эгин.

– И качка, – добавил гнорр. – Не иначе как мы на судне? Эгин кивнул.

– Куда же мы направляемся?

– Мы плывем в Яг. А оттуда поедem в замок Гинсавер.

Странник сказал мне, что именно там следует искать Адагара. Он-то и сделает тело глиняного человека.

– Неужели? Мы едем навестить барона Вэль-Виру? – Гнорр изобразил некое подобие улыбки.

– Сам Вэль-Вира нам не нужен. Просто Адагар нынче подвизается у него при дворе.

– Это мило, – сказал Лагха и замолчал.

Эгину вдруг показалось, что в фигуре крошки-гнорра появилась какая-то необычная неуверенность, какая-то сутулость, если не согбенность. Ничего подобного Эгин раньше за дерзким до умопомрачения гнорром не замечал.

– Это мило, – машинально повторил Лагха.

– Что же в этом «милого»? – не выдержал Эгин.

Он уже был согласен обсудить этот невеселый вопрос с Лагхой, лишь бы хоть как-то изничтожить то подавленное состояние неопределенности, в которое он незаметно для себя впал, когда узнал от карлика-аптекаря, где искать Адагара.

– «Милым» я называю все, что заставляет меня чувствовать себя пылинкой, горстью праха, плотным облаком из уязвляющих воспоминаний. Когда вы, Эгин, упомянули Фальм, я почувствовал себя ничем. Воздухом. Травой. Это состояние не лишено своей приятности, как иногда приятно терпеть сильную боль.

– Странное это занятие – терпеть боль и получать удовольствие. Ну да ладно. Почему все же упоминание о бароне

Вэль-Вире заставляет вас, мой гнорр, чувствовать себя ничем, горстью праха?

– Видите ли, Эгин, я привык контролировать все и манипулировать всем, с чем только прихожу в соприкосновение. Я умудряюсь манипулировать даже вами, будучи при этом всецело в вашей власти. Я стал призраком, но все-таки не утратил привычки чувствовать себя магом, могущественным магом. Так уж получилось, что видеть себя сильным и чуть ли не безупречным стало для меня обычным делом. Так вот: когда я слышу «Фальм», я понимаю, что есть люди и места, которые одним своим существованием отменяют все – и мои манипуляции, и мое магическое могущество, и мою дутую безупречность. Перечеркивают всего меня одним взмахом меча.

– Но почему «отменяют»? Почему «перечеркивают»?

– Потому что когда вы говорите «Фальм», я начинаю понимать, кто и как меня обхитрил. Я начинаю догадываться, кто сделал меня призраком. Пока что это только мои догадки. Но теперь мне совершенно ясно: в повести о развоплощенном гнорре Свода Равновесия и его друге Эгине слишком много слова «Фальм». И осознавать свою ничтожность в некотором смысле немного приятно – это как терпеть боль. Действительно «мило» видеть, как мир из ручного сна становится грозным и непознаваемым. То есть самим собой.

– Вы хотите сказать, что это сделал Вэль-Вира? Что он и есть тот маг, который...

– Это не исключено. Хотя и довольно невероятно. Вэль-Вира скорее наш союзник.

– Первый раз слышу о существовании такого союзника!

– Это значит лишь одно: вы слишком долго не были в столице. Буквально накануне моего развоплощения Совет Шестидесяти разделился на «партию войны» и «партию мира». Мусолили вопрос о военной экспедиции на Фальм. Целью этой экспедиции было уничтожение кого?

– Ну... барона Вэль-Виры велиа Гинсавер, надо думать.

– Все верно, Эгин. Вэль-Виры. Его называли людоедом и кровопийцей. Но главное – его называли оборотнем. Перевертышем, способным превращаться в сергамену. Наши вельможи с подачи баронов Маш-Магарт были убеждены: таких сергамен следует истреблять до последнего, тем более что с государственной точки зрения это очень даже заманчиво... Гнорр Свода Равновесия, то есть я, был главным противником этой экспедиции. И был бы им до сих пор, если бы не развоплотился...

– И что, по-вашему, произошло дальше?

– Дальше, насколько мне известно, убили Альсима, который тоже был противником войны с оборотнем Вэль-Вирой.

– А дальше?

– Дальше – не знаю. Но то, что Зверда, моя жестокая девочка, имеет к этому непосредственное отношение, теперь становится мало-помалу очевидным... Когда такие маги, как Адагар, считают для себя правильным околачиваться в ка-

ких-то диких горах по полгода, это значит только одно – у них там свои интересы. А поскольку маг имеет только магические интересы, значит, эти интересы есть от кого отстаивать. Предположим, Адагар на стороне Вэль-Виры. Значит, он оказывает ему магическую помощь. Но кто же тогда на стороне баронов Маш-Магарт, основных противников Вэль-Виры и зачинщиков союза с Вараном? Теперь я, кажется, знаю правильный ответ, Эгин. На стороне баронессы Зверды и барона Шоши велиа Маш-Магарт будут воевать великие маги – баронесса Зверда и барон Шоша велиа Маш-Магарт...

– Вы шутите?

– К сожалению, нет. – В голосе гнорра звучала грусть.

– Значит, на барона Вэль-Виру и Адагара все-таки можно положиться?

– Может, и нельзя. Да только полагаться нам больше не на кого. Вот уж теперь мне ясно, почему Зверда не отозвалась на мой вопль о помощи. Глупо спасать щенка, которого сам бросил в реку, верно?

– Вы считаете, в вашем развоплощении виновна Зверда?

– Я мечтаю о том, чтобы когда-нибудь оказалось, что я заблуждаюсь. И что Зверда, моя северная лилия, непричастна к этой грязной подмене, но пока... По здравом размышлении выходит, что она и ее муж были заинтересованы в моем частичном устранении больше, чем все остальные известные мне люди. Пар-арценц Сонн, который тоже порядочная сво-

лочь, скорее был бы заинтересован в том, чтобы убить меня. Заметьте, убить, а не подменить. Стоило посмотреть представление в Волшебном театре Ита, чтобы убедиться – никто в Варане не заподозрил этой умопомрачительной подмены. Жизнь там идет своим чередом... Мятежи, смуты... Так что не удивляйтесь, если по прибытии в замок Гинсавер вы обнаружите под его стенами наших коллег из Свода Равновесия... Разве что землетрясение задержит эту экспедицию на месяц-другой.

– Дорого бы я дал, чтобы узнать, что за человек сейчас исполняет обязанности гнорра в вашем теле, – тихо сказал Эгин.

До Фальма оставалось два дня пути.

Эгин вышел на пристань Яга ранним утром.

Сам городишко, да и горы над ним, казалось, плавали в розовом тумане. Пушистые коржи тумана ползли над побережьем. Туман завихрялся, уплотнялся и приобретал очертания аморфных крылатых чудовищ, которые тотчас же распадались, рассеивались, забывались.

Жеребец Эгина еле стоял на ногах. Он едва шел по твердой земле, с трудом удерживая равновесие, и жалобно ржал, запрокидывая узкую породистую морду в розоватое небо. Эгин не стал садиться в седло – после пяти дней в трюме жеребец заслуживал отдыха. Он просто боялся сломать животному хребет.

Ведя коня под уздцы, Эгин проследовал за матросами, которые стаскивали на берег уже знакомые ему мешки, бочки, ящики, коробки, низки сушеных фруктов.

– Вам повезло, гиазир Эгин, – вполголоса говорил капитан, обкатывая на языке желто-бурую жевательную смесь, ближайшей родственницей которой, по слухам, была дымглина. – Тот груз, что сейчас лежит в моих трюмах, нужно доставить из Яга в Семельвенк. Вот, знач, мои люди сдадут его из рук в руки людям барона Аллерта. А те уже повезут его ихнему хозяину. Так что вы – везунчик.

– Не пойму, в чем здесь везение, – несколько раздражен-

но заметил Эгин. Цервель, который был до одури влюблен в свою опытность, не относился к людям, приятным в общении.

– Как это в чем? Вы можете пристроиться к каравану. Будете его охранять, не бесплатно, конечно. Слышал, барону Аллерту сейчас знатные воины нужны. Сразу видно, вы в этом деле разбираетесь. Вот и заработали бы, и время с пользой провели. Такая возможность – сама в руки идет!

– Я не зарабатываю своим мечом, – сдержанно ответил Эгин.

– Да? Ну это, знач, еще у вас впереди. Вы еще молодой. Никто не знает, чем завтра будешь заниматься. Может, и мечом будете зарабатывать. Ну нет так нет. Тогда просто пойдете за караваном, с ним легче добраться до Семельвенка. Знаете, дорога там такая, что ее знать надо.

– Но мне необходимо попасть в Гинсавер. Насколько я понимаю, Гинсавер и Семельвенк – это два разных замка.

– Да это без разницы, что два разных! Сначала приедете в Семельвенк, к Аллерту. Породычаетесь там с его супружницей, госпожой Лоей, с его славными чадами, а оттуда, знач, и в Гинсавер. Другой дороги все равно нет.

– Скажите, Цервель, а карты Фальма у вас случайно не найдется?

– Карты Фальма не найдется. Могу дать карту Цинора. Не хотите?

Эгин вежливо откланялся. Хотя легкую антипатию к Цер-

велю он так и не смог в себе изжить, следовало признать, что среди его полубредовых наставлений и размышлений затесался один грамотный совет.

Утром следующего дня Эгин уже выступил на Семельвенк вместе с караваном барона Аллерта.

Барон Аллерт велика Семельвенк оказался весьма располагающим к себе господином – обаятельным и мягким.

Эгину было даже немного жаль, что он не может остаться во владениях Аллерта хотя бы на несколько дней – в Западном замке было что посмотреть. Да и сам замок, выглядевший нарядно и экзотично, сразу вызвал у Эгина такой прилив душевного тепла, что он со смехом вспоминал мрачные предостережения аптекаря. Между тем густой оленьей кровью Эгина тоже кормить не порывались – на обед подавали вполне харренскую еду, разве что немного пересоленную.

Пожалуй, самым ярким свойством натуры барона Аллерта была уступчивость, граничившая временами со слабостью.

Его супруга Лоя, женщина недалекая, но внушительных форм, была матерью троих ребятишек – двоих мальчиков и одной девочки. Лоя помыкала мужем как хотела. Именно Лоя была реальной хозяйкой Семельвенка, как показалось Эгину. Сам же Аллерт, по его собственным уверениям, коротал дни в своей библиотеке и в лесу. «Люблю, знаете ли, гулять. Грибы... ягоды...» – мечтательно говорил барон, глядя через стрельчатое окно на заснеженный лес.

Чужаки в Семельвенке были редкостью, поэтому Эгину, Эгину окс Суру, как он считал возможным представиться, уде-

лили гораздо больше внимания, чем он рассчитывал.

От него буквально не отходила челядь, прислуживавшая на старомодный манер, со множеством поклонов и вежливых оборотов, которые Эгину раньше доводилось встречать только в книгах.

«Не соблаговолит ли сановный пан разверзть свои очи пред скромной трапезой?» – говорила служанка, внося утром в спальню Эгина кувшин с подогретым козьим молоком.

Его закармливали яствами и отпаивали лучшими винами.

Его принимали как аристократа. Эгину было немного не по себе – ведь в действительности на приставку «окс» он не имел права.

Поначалу чета баронов Семельвенк казалась тихой, жизнерадостной и далекой от проблем войны и мира. Создавалось впечатление, что кругозор супругов замыкается земельческими перспективами. А их интересы не идут дальше хорошей партии для старшей дочери.

Когда же Эгин заикнулся о Гинсавере и Вэль-Вире, бароны сразу помрачнели и словно бы озлобились. Будто Эгин затронул запретную тему и тем выразил свое дурное к ним отношение. Всю жизнерадостность и миролюбие как корова языком слизала.

– Были мы с Вэль-Вирой дружны. Но только прошли те времена, – вздохнул Аллерт.

– Теперь воюем его, вражину, – подтвердила Лоя.

– Позвольте узнать из-за чего?

– Спорим из-за земель, – уклончиво ответил Аллерт.

– Из-за горы Вермаут, – выпалила Лоя.

От Эгина не укрылось, что Аллерт тайком метнул в сторону жены взгляд, исполненный неодобрения.

– А что там на этой горе?

– Там... Да, собственно, ничего, – расцвел в вежливой улыбке Аллерт. – Был бы, знаете ли, предлог. Вермаут – это предлог. На самом деле мы воюем из-за принципов.

– Значит, вопросы чести?

Лоя и Аллерт согласно кивнули и примолкли. Эгину было очевидно, что его расспросы они считают неуместными. Если не невежливыми.

– А правда ли, что барон Вэль-Вира умеет обращаться в сергамену? – поинтересовался Эгин, памятуя рассказ Лагхи.

– Правда, – ответил Аллерт.

– Правда, – ответила Лоя.

– Видел ли кто-нибудь этого сергамену собственными глазами?

– Вот попадете в Гинсавер – и увидите страхолудище сами, – отрезала Лоя.

– Но ведь вы же сказали, что раньше были дружны. Раньше, выходит, он не обращался?

Лоя и Аллерт недоуменно переглянулись.

– Нет. Раньше – нет.

Эгину стоило большого труда смирить свое любопыт-

ство и прекратить расспросы. По недовольным лицам хозяев Эгин видел, что если он не обуздает свое любопытство, то рискует лишиться расположения баронов навсегда. И Эгин более не вспоминал о сергамене до самого своего отъезда, который состоялся через два дня. Но этот разговор заронил в его душу зерно сомнения – в самом ли деле бароны Семельвенк такие простаки, какими пытаются казаться?

Над этим вопросом он размышлял чуть ли не весь путь до Гинсавера. Тем более что его внимательный глаз то и дело примечал в придорожных зарослях черные жемчуга глаз снежно-белой суки, чуть больше обычной.

Сука двигалась тяжело и как-то неловко, словно была овцой, надевшей собачью шкуру. Но в ее удивительных глазах чувствовались сила и ум. На животе у суки розовели тяжелые сосцы.

Эгин поманил собаку куском лепешки. Но та не подошла. То ли из осторожности, то ли оттого, что была сыта. Было в глазах животного что-то от глаз баронессы Лои – бесхитростное, природное, чуждое условностям пола.

Но Эгин гнал мысли о сходстве прочь. Поскольку в компании этих мыслей на дороге, соединяющей Гинсавер и Семельвенк, можно было запросто сойти с ума. То и дело лес звенел на низкой ноте, словно сплошь состоял не из деревьев, а из басовых струн каниойфаммы.

То и дело жеребец становился как вкопанный, не желая двигаться дальше. И только лакомством можно было заста-

вить его двигаться дальше. Когда Эгин завидел вдали впечатляющие стены Гинсавера, его жеребец огласил окрестности ликующим ржанием.

Да и сука куда-то пропала.

Глава 7

Щепетильное поручение

*Навязчивость – первая добродетель кавалера.
«Канон Любовной Науки, писанный Юмиохумом,
возлюбленным пажом императрицы Сеннин»*

1

– Извини, что нарушаю твой покой. Не ты ли Адагар, странствующий маг?

– Моя мать звала меня иначе. И мой учитель дал мне не такое имя. Но многие знают меня как Адагара, – кивнул крепкий старик с умным, худым лицом и блестящими, словно две бусины, глазами.

Старик сидел на свежем пне посреди рощи вековых дубов. Его свирель журчала странным, щемящим мотивом. Эхо по-свойски обходилось со звуками свирели, уносило прочь, возвращало, дробило на соцветия каких-то своих, новых, нерожденных магом нот.

– Я – Эгин. По рождению варанец. Я пришел из Тардера, от госпожи Далирис, чтобы попросить тебя о том, что под силу сотворить только тебе. О теле глиняного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.